

Юлия Мош

После
зверя

Юлия Мош

После зверя

«Автор»

2026

Мош Ю.

После зверя / Ю. Мош — «Автор», 2026

Что общего у деревенской сиротки и городского оборотня? общий враг, который когда-то был самым родным человеком... Им предстоит пройти через предательство, заново обрести себя и друг друга, а так же решить, что делать с предателем

© Мош Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	31
Глава 11	36
Глава 12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлия Мош

После зверя

Глава 1

Нюта

Запах фермы — это мой воздух. Смесь затхлого сена, прогретой солнцем соломы, влажной земли и еще чего-то неуловимо живого, первобытного. Для других это лишь грязь и тяжелый, малооплачиваемый труд, но для меня — единственное место, где я чувствую себя в безопасности. Здесь, среди коров и телят, не нужно было подбирать слова, не нужно было оправдываться или пытаться казаться лучше, чем я есть. Животные не просили сделать работу за них, не взваливали на мои слабые плечи свои проблемы и не смотрели тем оценивающим, вечно недовольным взглядом, но с примесью жалости, который я видела в глазах местных жителей.

Я поправила сползающий на глаза платок, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба. Руки были в навозе и пыли, кожа грубая, потрескавшаяся, с въевшейся чернотой под ногтями, которую ничем не отмыть. Я старалась как можно реже смотреться в зеркало — там всегда отражалось что-то несуразное, сгорбленное и виноватое. В деревне меня все знали как Нюту странную сиротку. Это было моим достижением. Если ты странный, тебя стараются не замечать. Если тебя не замечают, тебя не попросят по-соседски перетаскать тонну дров, не заставят выслушивать нравоучения о том, как мне нужно жить, и не будут пытаться использовать мою мягкость, чтобы получить свое. Моя жизнь была цепью из избеганий, маленьких отступлений и стремления стать абсолютно прозрачной для чужих глаз.

— Ну чего ты, Малыш? — тихо пробормотала я, ощущая, как маленький теленок ткнулся влажным носом в мою куртку, пахнущую силосом. — Сейчас, сейчас, принесу воды, потерпи немножко.

Я подхватила тяжелые ведра, которые врезались в ладони, оставляя красные полосы. Спина привычно отозвалась ноющей, тягучей болью под лопатками, но я почти не обращала внимания. В этом физическом изнурении была хоть какая-то честная определенность: я работала, я была нужна этим существам, и они не требовали от меня того, чего я не могла дать. Слишком часто в моей жизни было так, что люди, увидев мою забитость и неспособность сказать «нет», высасывали из меня все силы до капли, оставляя лишь опустошение. Поэтому здесь, за покосившимся забором, я чувствовала себя в своем праве на тишину.

Когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в тревожные ржавые тона, пришло время идти в сельмаг. Хлеб, крупа — обычный набор. Дорога до магазина была для меня каждый раз испытанием. Я натянула старую куртку, которая давно потеряла форму, пониже, чтобы скрыть пятна на кофте, и спрятала лицо в воротник сильнее обычного, просто чтобы не встречаться с людьми взглядами. Мне казалось, что если я буду смотреть под ноги, то окружающий мир просто просочится сквозь меня, не задев.

Деревня к вечеру всегда наполнялась шумом: кто-то ругался, где-то гремело радио, кто-то обсуждал чужие жизни. Я шла, втянув голову в плечи, внимательно изучая свои ботинки, покрытые засохшей грязью. В ушах звенела тишина, которую я так лелеяла. Вся моя жизнь была сжата в этот маленький мир: ферма, дом, редкие вылазки в магазин. Я была уверена, что эта предсказуемость — лучшее, что может со мной случиться.

Я дошла до крыльца магазина, сердце привычно сжалось от страха, что придется с кем-то заговаривать. Весь путь был посвящен тому, чтобы никого не увидеть, не быть замеченной, просто тихо выполнить свою задачу и вернуться в свой хлев, к запаху соломы и теплу коро-

вых боков. Каждый раз, когда на меня смотрели, мне хотелось провалиться сквозь землю; это было болезненное ощущение собственной неправильности, которое преследовало меня еще со школы. Я была для всех удобным фоном, серой мышью, которую никто не принимал всерьез.

Я остановилась у двери, дожидаясь, пока выйдет местная сплетница, чтобы не сталкиваться с ней на пороге. Деревенский воздух, обычно спокойный, вдруг показался мне наэлектризованным, как перед большой грозой. Я поежилась, хотя вечер был довольно теплым, и покрепче перехватила пустую сумку. Мне было невдомек, почему привычная дорога домой кажется сегодня такой длинной и тяжелой, словно судьба решила стусить краски перед чем-то, чего я еще не могла осознать, но уже чувствовала каждой клеткой кожи — смутное, пульсирующее беспокойство, похожее на предчувствие непоправимых перемен.

К зданию сельсовета стягивалась вся деревня. Атмосфера была накаленной, тяжелой, как перед грозой. Люди кучковались мелкими группами, то и дело бросая злобные взгляды на черную машину, припаркованную прямо на газоне у крыльца. Это был символ нашего неминуемого краха. Если он выкупит ферму, мы все останемся без работы — единственный источник дохода здесь был связан либо с полем, либо с животными. Большинство мужиков уже грозились спустить этого столичного с лестницы, если он только заикнется о сносе.

— Приехал, ирод, — ворчала тетя Валя, сжимая в руках авоську. — Видала, какое у него лицо? Сразу видно — нарцисс столичный. У него на лбу написано, что мы для него — пустое место.

Я стояла в самом конце толпы, стараясь максимально слиться с облупившейся кирпичной стеной сельсовета. Хотелось исчезнуть. Я не любила конфликты, не любила шум, а сейчас вокруг кипела настоящая буря.

Наконец, дверь машины открылась. Взорам всей деревни предстал он — Родион Дмитриевич Бондаренко. Высокий, широкоплечий, в безупречном темном пиджаке, который здесь выглядел вызывающе дорого и неуместно. Он выбрался из салона, даже не глянув на тех, кто с ненавистью разглядывал его машину. Его походка была хищной и уверенной, какой-то вольготной, будто он был здесь хозяином, а мы — досадными помехами на пути. Он не обращал внимания на тихий гул недовольства, лишь брезгливо поморщился, когда подошва его ботинка ступила в грязь.

Надменный, холодный, пугающе уверенный в своей правоте. Было очевидно, что ему плевать на наши судьбы. Он смотрел перед собой, прямо на потрепанную табличку «Сельсовет», словно это уже была его частная собственность.

Он медленно шел по дорожке, люди невольно расступались, чувствуя исходящую от него подавляющую энергию. Он подошел к крыльцу и уже взялся за ручку двери, как вдруг по площади пронесся резкий, холодный порыв ветра. Родион замер.

Его фигура мгновенно напряглась, словно он превратился в статую. Он не зашел внутрь. Он чуть приподнял голову, его ноздри едва заметно, но жадно затрепетали, втягивая воздух. Он принюхался. Движение было коротким, почти звериным. Казалось, ветер принес ему какой-то запах, который застал его врасплох.

Он резко развернулся, обводя толпу своим пронзительным, сканирующим взглядом. Его глаза, холодные всего мгновение назад, сейчас странно расширились, в них промелькнуло что-то дикое, будто бы даже поменяли цвет на желтый на мгновение, но я уверена, что это просто солнце так отразилось, не могут же на самом деле у людей глаза за секунду менять цвет. Он смотрел в сторону, где стояла я. Спина покрылась мурашками, я едва не выронила сумку, вжимаясь в кирпич. Казалось, он видит меня через десятки людей, видит мою панику, мою дрожь.

Секунда пролетела в гробовой тишине. Родион словно искал что-то, не в силах сфокусироваться, но потом вдруг досадливо мотнул головой, будто сбрасывая наваждение. В его глазах

снова зажглось то самое холодное высокомерие. Развернувшись на каблуках, он с силой дернул дверь и скрылся в кабинете председателя.

Толпа зашумела вдвойне громче.

— Вы видели? Глянул на нас как на грязь!

— Снести все хочет, а сам смотрит, будто мы его оскорбили своим присутствием!

Я не слушала. Я стояла, прижав руку к груди, пытаюсь унять бешеный стук сердца. Это было так странно... Этот взгляд, этот вдох. В ту секунду, когда он принялся, он искал что-то совсем другое. И этот факт пугал меня до дрожи больше, чем потеря работы.

Глава 2

Нюта

На следующее утро, едва рассвело, фермерский двор превратился в центр сбора нашего деревенского ополчения. Никто толком не знал, зачем нас созвали, но в воздухе висело вязкое, липкое напряжение. Люди стояли группами, перешептываясь и постоянно поглядывая на главный вход, откуда должна была появиться угроза. Кто-то нервно курил, кто-то поправлял вилы, словно надеясь, что вид сельскохозяйственного инструмента добавит им уверенности.

Я пришла одной из последних, стараясь остаться за спинами остальных. Мои руки, сухие от работы с сеном, мелко дрожали. Я чувствовала себя мышью, которую загнали в угол и теперь ждут, когда она начнет метаться.

— Говорят, он теперь здесь хозяин, — шепнула у меня за ухом тетя Валя, чей голос дрожал от злости. — Скупает все, до последнего гвоздя. Кому теперь нужны наши коровы, когда он планирует тут бетонные площадки заливать?

Я не отвечала. Я просто смотрела на пустую площадку перед конюшней, чувствуя, как внутри нарастает тошнотворное предчувствие.

И вот он появился.

Родион вышел из черного внедорожника, который выглядел здесь еще более вызывающе, чем вчера. На фоне наших покосившихся досок он казался пришельцем из другой, пугающе яркой реальности. Он был высокий — выше любого из наших мужиков, статный, с той особой статью, которую невозможно имитировать. Его фигура была воплощением силы, словно он был высечен из камня, крепкий, широкоплечий, уверенный в каждом движении.

Он был красив — это было невозможно отрицать. Четкие линии лица, почти хищный разрез глаз, безупречно уложенные волосы, которые даже здесь, в этой пыли, казались частью идеального образа. Но эта красота не вызвала у меня ни восхищения, ни желания подойти ближе. Напротив, она пугала меня своей опасностью. В нем чувствовалась такая дерзость, такой внутренний напор, который подавляет волю окружающих.

Он не просто шел — он словно владел пространством, раздвигая воздух своим присутствием. Я смотрела на него и ежилась: таким, как он, не нужны люди, им нужны площадки для игры. Он был хищником, для которого мы — не личности, а досадные препятствия в его проектах.

Мне такие мужчины никогда не нравились. Всю жизнь я бежала от тех, кто привык доминировать, кто считает, что мир вращается вокруг их желаний. В нем не было ничего уютного или предсказуемого, только холодная расчетливость и высокомерие, скрытое за маской ослепительного благополучия.

Родион остановился в центре двора, небрежно сунув руки в карманы дорогих брюк. Он не спешил говорить. Он молчал, медленно обводя нас взглядом, словно оценивая стоимость каждой головы скота и каждой души, стоящей перед ним.

— Итак, — его голос, низкий и властный, прокатился по двору, как раскат грома. — Давайте перейдем к делу. Я не люблю терять время, и вы, полагаю, тоже.

Он казался воплощением угрозы, и с каждой секундой его присутствия мне хотелось раствориться в воздухе, исчезнуть, стать частью этих грязных стен, лишь бы он не перевел взгляд на меня. Но, как назло, он вновь начал медленно водить глазами по толпе, словно ища в этом скопище людей ту единственную деталь, которая вчера так встревожила его у сельсовета.

Я затаила дыхание, молясь, чтобы воротник, закрывающий пол-лица, и старая куртка спасли меня в очередной раз.

Родион не спешил начинать собрание. Он словно смаковал наше ожидание, эту неловкую тишину, в которой отчетливо слышалось только дыхание коров из ближайшего загона да испу-

ганное блеяние молодняка. Его взгляд, холодный и сканирующий, медленно перемещался по лицам местных работяг. Он смотрел на них так, как инспектор смотрит на неисправное оборудование: с долей безразличия и скуки.

— Мне доложили, что здесь задержки по зарплатам, и инфраструктура фермы давно пришла в негодность, — произнес он, и в его голосе слышалась сталь. — Вы держитесь за это место, как за спасательный круг, но это не ферма. Это руины.

В толпе послышался приглушенный гул. Дядя Коля, наш старший конюх, сделал шаг вперед, сжимая в руках кривой черенок вил.

— Руины — не руины, а кормимся мы тут, — басисто отозвался он. — И сносить тут ничего не дадим.

Родион даже не вздрогнул. Он лишь слегка склонил голову набок, и на его губах заиграла опасная, едва заметная усмешка. Он выглядел настолько уверенным в своей безнаказанности, что это вызывало у меня зуд под кожей. Такая дерзость обычно сулила беду. Он был тем типом мужчин, которые сжигают мосты, просто чтобы посмотреть на огонь.

— Выбор за вами, — продолжал он, игнорируя угрозу. — Либо вы принимаете условия моего фонда и получаете компенсации, либо через к зиме вы останетесь здесь без работы и без копейки. Я приехал сюда не договариваться, я приехал утвердить план.

Я чувствовала, как внутри всё переворачивается от негодования. Какой же высокомерный тип! Стоит здесь в туфлях, которые стоят дороже, чем вся моя жизнь, и решает за людей, как им дальше существовать. Меня всегда раздражала эта порода людей — победителей по жизни, которые приходят в твой уютный мирок и переворачивают всё вверх дном, искренне полагая, что делают одолжение.

Вдруг его речь оборвалась на полуслове. Его резкие, хищные движения снова замерли. В воздухе, густом от запаха прелого сена, что-то изменилось. Родион снова повел головой, втягивая носом воздух, как будто улавливая аромат, недоступный остальным.

Я замерла, вцепившись в край своей кофты. Его взгляд, который только что лениво прохаживался по толпе, внезапно стал тяжелым и сфокусированным. Он прочертил линию через весь двор, прямо в ту точку, где за спиной тети Вали пряталась я.

У меня сердце ушло в пятки. «Нет, нет, нет, только не смотри сюда», — внутренне взмолилась я, вжимая подбородок в воротник куртки.

Но он смотрел. Его глаза, темные и пронзительные, казалось, прожигали мне дыру в груди. Он не знал, кто я, не мог знать, но в его прищуре появилась какая-то странная, лихорадочная искра. Он сделал шаг в сторону толпы, словно собираясь прорваться сквозь людей, чтобы подойти ближе.

Все вокруг замерли, чувствуя исходящее от него напряжение. Тетя Валя, заметив, куда он пялится, обернулась и с подозрением глянула на меня.

— Нютка, чего это он? — прошептала она.

Я не могла дышать. Его присутствие стало почти физически осязаемым, тяжелым, как пресс. Он был здесь — такой опасный, такой чужой, в своем безупречном облике — и, казалось, весь мир вокруг нас должен был рухнуть, как только он решит подойти ко мне вплотную. Ощущение того, что я — лишь досадная помеха в его идеально выверенном мире, сменилось ледяным страхом перед тем, что он вдруг решил сделать меня своей целью.

Родион больше не смотрел на толпу. Он сделал шаг. Потом еще один. Медленно, властно, словно он был единственным хищником в этом загоне. Люди, еще секунду назад готовые спорить и доказывать свою правоту, непроизвольно подались назад, расступаясь перед ним, как вода перед ледоколом. Он шел уверенно, не глядя под ноги, и его взгляд был прикован к одной-единственной цели — ко мне.

У меня подкосились колени. Я попыталась отступить назад, туда, где за моей спиной была груда старых мешков, но путь был отрезан. Мое сердце колотилось где-то в горле, мешая нормально дышать. Почему он идет ко мне? Почему он смотрит так, будто я — единственная, кто существует в этом дворе?

Он остановился всего в паре шагов. Теперь я могла рассмотреть его близко: безупречная кожа, легкая тень щетины, холодный, пронзительный блеск в темных глазах. От него пахло чем-то дорогим, тонким парфюмом, в котором угадывались нотки кожи и хвои, — запах, который здесь, среди навоза и сена, казался неестественным и потому пугающе чужим.

Он возвышался надо мной горой, заставляя задирать голову. Мне хотелось зажмуриться, стать невидимкой, исчезнуть, лишь бы не быть в центре этого давящего внимания.

— Ты идешь со мной, — произнес он.

В его голосе не было вопроса. Там был только приказ, холодный и не терпящий возражений. У меня внутри все похолодело. Я вздрогнула, чувствуя, как от ужаса немеют пальцы рук.

— Нет, — прошептала я. Мой голос сорвался, прозвучав жалко и тихо, но в этой тишине его услышали все.

Родион на секунду замер. Его взгляд стал острым, почти злым. Он медленно наклонил голову, глядя на меня сверху вниз, и его бровь медленно поползла вверх — жест, выражающий предельное недоумение, смешанное с оскорбленным самолюбием.

— Что? — переспросил он, и в этом тихом слове прозвучала угроза.

Я сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боже, только не плакать. Не сейчас.

— Я с вами не пойду, — повторила я, на этот раз чуть громче, хотя ноги продолжали предательски дрожать.

Родион выпрямился, став еще выше, еще внушительнее. Его губы дрогнули, но улыбки не было — только холодный, опасный прищур.

— Я не спрашивал, — отрезал он, делая еще один шаг в мое личное пространство, так близко, что я ощутила жар, исходящий от его тела. — И не приглашал. Это приказ.

Глава 3

Нюта

В одно мгновение его ладонь, горячая и тяжелая, сомкнулась на моем запястье. Я не успела даже охнуть — он действовал с пугающей скоростью. Моя кожа, привыкшая к холодной воде и грубой работе, обожглась от контакта с его неожиданно горячей кожей. Я дернулась, пытаюсь вырваться, но его пальцы были явно сильнее меня — ни грамма лишнего нажима, но движение стало невозможным.

— Пустите! — выдохнула я, почти срываясь на крик. — Вы что творите?!

Вокруг нас взметнулся ропот.

— Эй, мил человек, ты руки-то убери! — крикнул дядя Коля, сделав неуверенный шаг вперед. Его вилы дрожали в руках, а голос, обычно громовой, сейчас звучал сипло и сбивчиво. Остальные мужики переминались с ноги на ногу. Они смотрели на Родиона и на его машину, на его дорожную одежду, и в их глазах читался страх перед властью, перед деньгами, перед тем, что он может сделать с их жизнями в один щелчок пальцев.

Родион даже не обернулся. Он лишь слегка склонил голову, и по толпе пронеслось молчаливое предостережение. В его осанке, в том, как он напрягся, чувствовалась звериная мощь — он был готов к любому сопротивлению и, казалось, даже жаждал его. Деревенские, помявшись на месте, один за другим начали опускать глаза, отступая назад. Никто не хотел идти против сильных мира сего.

— Не вмешивайтесь, — бросил он через плечо, не удостоив их даже взглядом.

Меня потащили к старому административному зданию фермы. Я упиралась, волоча ноги по земле, но он двигался легко, словно я ничего не весила. Мое сбивчивое дыхание, мои всхлипы — все это тонуло в гуле ветра.

— Вы не имеете права! — твердила я, чувствуя, как внутри нарастает паника. — Я работница, а не вещь!

— В данный момент ты моя единственная забота, — холодно ответил он, не замедляя шага.

Мы взлетели на крыльцо. Дверь кабинета председателя, еще вчера казавшаяся мне самым недоступным местом в мире, распахнулась с грохотом. Родион впихнул меня внутрь и тут же захлопнул дверь, отрезая шум деревни, осуждающие взгляды соседей и спасительный воздух улицы.

В кабинете пахло старой бумагой и его резким, тревожащим парфюмом. Он не отпускал мою руку, пока не завел меня в самый центр комнаты. Он отпустил меня лишь тогда, когда убедился, что я осталась в ловушке.

Я отпрянула к стене, судорожно потирая саднящее запястье. Родион медленно развернулся ко мне, снимая пиджак и отбрасывая его на покосившийся стул. Он был огромен в этой крошечной комнате. Его взгляд, теперь лишенный свидетелей, казался еще более пристальным, голодным и пугающим.

— Ну вот, — произнес он, делая шаг в мою сторону и преграждая путь к выходу. — Теперь мы можем поговорить без этого лишнего шума. И поверь мне, девочка, тебе лучше слушать меня очень внимательно.

Я дрожала, глядя на него снизу вверх, и впервые в жизни поняла, что все мои попытки стать невидимой оказались бесполезны. Он меня не просто заметил — он меня выделил. И это пугало меня куда сильнее, чем потеря работы.

Он смотрел на меня так, будто я была экспонатом, который он только что извлек из пыльной кладовки для личной коллекции. В этом кабинете, окутанном густой тишиной, его само-

уверенность казалась осязаемой, почти давящей на грудь. А что скажут другие? Что скажут деревенские? Это же клеймо на всю жизнь. Теперь не получится оставаться невидимкой.

— Меня зовут Родион Бондаренко, — произнес он, и в этом представлении не было вежливости — только констатация факта, словно он объявлял свой титул. — И с этого момента, девочка, ты официально принадлежишь мне.

Я замерла, чувствуя, как внутри все холодеет. Мир качнулся. «Принадлежу?» Какое-то дикое, нелепое слово, совершенно не укладывающееся в голове в двадцать первом веке.

— Что... что вы имеете в виду? — мой голос едва не сорвался на писк. Я вцепилась пальцами в подоконник за спиной, чтобы не упасть.

Родион слегка наклонил голову, и в его глазах блеснуло холодное удовлетворение.

— Именно то, что я сказал. Ты принадлежишь мне. Вся, без остатка.

Внутри меня вспыхнул протест, перекрывающий даже страх. Он был всем тем, что я ненавидела: надменным, жестким, самовлюбленным тираном, привыкшим, что люди для него — лишь разменная монета или ресурс. Он не внушал доверия, он вызывал лишь желание бежать куда подальше.

— Это бред, — выпалила я, чувствуя, как от возмущения к лицу приливает кровь. — Какой век на дворе? Вы не можете просто так прийти и забрать человека! Я работаю на ферме, а не в рабстве. Я не ваша собственность, и я никуда с вами не поеду.

— Как раз я таки могу и мне за это ничего не будет. Да и кто меня остановит? Что-то я не видел защитников.

Я попыталась прошмыгнуть мимо него к двери, но он оказался быстрее. Один резкий шаг — и он снова перегородил мне путь, нависая сверху огромной, пугающей тенью. Его присутствие было удушающим. Он заполнил собой все пространство, вытесняя кислород.

Я пятилась до тех пор, пока спина не уперлась в холодную, запертую на засов дверь. Родион был так близко, что я чувствовала жар, исходящий от его груди. Он поднял руку — медленно, властно — и его пальцы потянулись к моему лицу, словно он собирался провести ими по щеке.

Я вжала голову в плечи, зажмурившись, ожидая удара или грубого прикосновения. Мое сердце забилось в агонии, а тело покрылось холодным потом.

Но прикосновения не было.

В самый последний момент он остановился. Я открыла глаза и увидела, что его пальцы замерли в воздухе, в паре сантиметров от моей кожи. Он смотрел на меня так, словно боролся с чем-то внутри себя — с каким-то инстинктом, который был куда сильнее его надменности.

Затем он совершил то, чего я совсем не ожидала: он резко отступил на два шага назад.

Он дал мне пространство. Его лицо снова стало маской, но в глубине глаз все еще сверкало то самое странное, лихорадочное пламя.

— У тебя будет время осознать это, — глухо сказал он, поправляя манжеты рубашки. — Я не буду торопить тебя до того момента, пока ты сама не поймешь, что другой судьбы для тебя просто не существует. Теперь можешь идти. Но помни: ты никуда от меня не денешься. Это не просьба. Это неизбежность.

Я стояла, не в силах пошевелиться, глядя на него с нескрываемым ужасом, пока он с деланным спокойствием отвернулся, давая мне понять, что разговор окончен.

Глава 4

Родион

Машина лениво ползла по разбитой деревенской дороге, а я раздраженно постукивал пальцами по кожаной обивке руля. Эта поездка изначально была ошибкой. Я не должен был тратить время на эти богом забытые руины, но контракт требовал моего присутствия. И тут, прямо у вонючего селыпо, воздух взорвался.

Я замер, едва заглушив мотор и выйдя из машины. Это было невозможно. Чистый, глубокий, почти одурманивающий аромат лесной жимолости и ранней росы, пробившийся сквозь тошнотворный смрад гнилой соломы и навоза. Зверь внутри меня вскочил, ударив в ребра, требуя одного: найти. Я оглянулся, пытаюсь расщепить этот запах среди сотни других, деревенских, грубых. Но толпа была слишком плотной, слишком шумной. А дела... бизнес не ждет. Я сжал кулаки, подавляя рык, который рвался из горла, и ушел в здание, чувствуя, как внутри закипает ярость от собственных ограничений.

Ночь стала по-настоящему незабываемой. Я метался по постели, а кровать ходила ходуном. Кости ныли, выворачиваясь в суставах, мышцы сокращались так, словно меня разрывали стальные прутья. Зверь рычал, скребся, требовал свободы, требуя немедленно сорваться с места, найти свою пару и пометить её, чтобы никогда больше не выпускать из поля зрения. Этот голос крови был громче любых контрактов. Я едва удерживал контроль, сжимая простыни так, что они рвались в клочья под моими пальцами.

Утро принесло холодную расчетливость. Я не позволю инстинктам управлять собой, но я позволю им привести меня к цели.

Собрание на ферме было лишь предлогом, чтобы выгнать всех на свет. Я стоял, демонстративно расслабленный, скрывая под маской высокомерия пульсирующую в висках потребность. Я сканировал лица, одно за другим. Глупые, напуганные, потные людишки, от которых несло нищетой и навозом. Я не собирался устраивать это выступление, мне нет дела до этих людей и их проблем. Но я должен был найти ее.

И вдруг — удар. Тот самый запах, только теперь концентрированный, чистый, сводящий с ума.

Я замедлил шаг, втягивая воздух. Мой взгляд упал на неё. Она пряталась за спинами, сгорбив плечи, замотанная в нелепую куртку. Сначала мозг отказывался верить: худая, нескладная пацанка, почти ребенок, в засаленной куртке, от которой разило фермой и навозом. Забитая колхозница, которая боялась даже поднять взгляд.

Зверь внутри недовольно взвыл, разочарованный таким контрастом между идеальным ароматом и этой... нелепой оболочкой. Мое самомнение, привыкшее к блеску элитных приемов и утонченным красавицам, на секунду споткнулось. Это — моя пара? Эта испуганная девчонка, которая выглядела так, будто развалится от одного моего громкого слова?

Я сделал шаг в её сторону, чувствуя, как внутри меня сталкиваются два мира: ледяная расчетливость бизнесмена и первобытный голод хищника. Она выглядела как загнанный зверек. Грязные руки, опущенная голова, нелепая одежда, скрывающий лицо. Она пахла тяжелым, въевшимся запахом силоса и коровьего навоза, но сквозь весь этот сельский шлейф пробивался он — мой зов. Моя истинная суть.

Я присмотрелся внимательнее, пропуская мимо ушей гул толпы. Под слоем этой деревенской неухоженности скрывалась тонкая, почти эфирная хрупкость. Она не была колхозницей по природе — она была забита этой жизнью, спрятана, законсервирована в нищете. И это возбуждало азарт.

Решение пришло мгновенно, отчетливо, как пункт в бизнес-плане. Я не могу привести её в свой мир в таком виде. Но я исправлю это. Я сниму с неё эту шкуру запуганного существа,

отмою, одену, заставлю расцвести, как самый дорогой цветок в моей оранжерее. Она будет блистать, она будет знать, что принадлежит Альфе, и со временем она сама будет искать защиты в моих руках, даже не подозревая, что это была моя воля изначально.

Когда я заговорил, мой голос прозвучал жестче, чем нужно, — я все еще боролся с внутренним рыком.

— Ты идешь со мной.

Ее реакция была ожидаемой — страх. Она вздрогнула, как будто её ударили, и прошептала этот свой нелепый отказ. «Нет». Внутри меня что-то щелкнуло. Упрямая. Я люблю, когда добыча сопротивляется — это добавляет вкуса победе.

Когда я схватил её за руку, по моей коже прошел разряд электричества. Мой зверь затих, удовлетворенный тем, что она теперь в моем контакте, в моем поле влияния. Она была хрупкой, почти невесомой под моими пальцами, и это вызывало странное, почти болезненное желание одновременно сжать сильнее и защитить.

В кабинете, когда я закрыл за нами дверь, этот запах стал еще сильнее. Он сводил с ума, наполняя легкие дурманом. Она снова пятилась, испуганная, готовая сбежать, и мне стоило колоссальных усилий не наброситься на неё прямо сейчас, не прижать к стене и не заявить права окончательно. Мои пальцы, потянувшиеся к её лицу, горели огнем. Я хотел стереть эту грязь с её щек, увидеть её глаза без этого животного ужаса.

Но я заставил себя отступить.

Я сделал шаг назад, давая ей воздух, хотя всё внутри меня кричало о том, что это моя территория, моя женщина и мой приз. Пусть боится. Пусть пытается сопротивляться. Сейчас она видит во мне надменного дельца, который пришел забрать её дом. Скоро она увидит того, кто действительно владеет её судьбой. Я никуда не спешу. Моя пара никуда не денется. Я приручу её постепенно, слой за слоем, и в конце она сама придет ко мне, умоляя забрать её из этой дыры навсегда.

Когда дверь кабинета затворилась, отрезая нас от остального мира, я впервые за сутки смог дышать ровно. Внутри меня бушевал ураган. Зверь бешено метался, скребся когтями о ребра, требуя одного — прижать её к себе, лишит возможности сопротивляться, вдохнуть этот аромат полной грудью, прямо у основания её шеи.

Я смотрел, как она пятится, и внутри меня боролись холодная рассудительность и первобытный инстинкт. Она дрожала. Каждая её клеточка была пропитана страхом, и этот ужас, исходящий от неё, действовал на меня как красная тряпка на быка, одновременно раздражая и дико возбуждая.

Боже, какая она маленькая.

Мой внутренний зверь недовольно рычал: «Почему она так пахнет страхом? Почему она не видит, что мы — её единственное спасение?» Я заставил его замолчать своей волей. Я — не дикарь, хоть кровь и требует того. Я — Альфа, и мой метод — контроль, а не насилие. Не сейчас.

Когда я протянул руку к её лицу, я едва сдержал дрожь в пальцах. Я хотел почувствовать её кожу, проверить, настолько ли она нежная, насколько кажется. Но стоило мне приблизиться, как её глаза расширились, в них плескалась такая искренняя, почти детская мольба о пощаде, что я замер.

Шаг назад дался мне с трудом, словно я разрывал связь, только что установленную.

— У тебя будет время осознать это, — произнес я, голос звучал хрипло, выдавая моё состояние.

Я отвернулся, чтобы она не видела моих глаз. В них сейчас горел золотистый отблеск, который трудно было скрыть. Мой зверь бесновался. Его бесило, что его пара, его истинная, стоит в трех метрах и боится его, как огня. Он хотел подчинения, хотел рычать, хотел доминировать! Но мой человеческий разум, закаленный годами в бизнесе, понимал: если я надавлю

сейчас, я сломаю её окончательно. А мне нужна не сломленная кукла, не имеющая собственной воли. Мне нужна она — живая, настоящая, осознающая, что я — её мир.

Я запер её страх, как запер бы в сейф важный документ.

«Она не понимает, что происходит, — думал я, глядя в мутное окно, за которым колыхались верхушки деревьев. — Она видит надменного богача, который приехал за её грядками».

Смешно. Она даже не догадывается, что через пару недель этот богач будет единственным, кто вообще будет иметь значение в её жизни. Я буду её единственным миром. Я вычищу из её памяти все эти запахи навоза, её жалкую работу, её нищету.

Зверь внутри успокоился, перейдя на низкое, утробное урчание удовольствия. Он дождался. Она найдена. Она здесь. Она никуда не денется. Моя рука, все еще помнившая тепло её запястья, сжалась в кулак.

Я дождусь. Я покажу ей, что значит принадлежать Альфе. И в тот день, когда она сама, добровольно, сделает ко мне шаг, я возьму то, что принадлежит мне по праву крови.

Я обернулся, чтобы убедиться, что она все еще здесь, в моей реальности. Она стояла у двери, прижавшись к ней, как напуганный птенец. Какое убожество — и какое же сокровище одновременно. Я усмехнулся своим мыслям. Ничего, девочка. Мы еще посмотрим, кто кого приручит.

Мой зверь довольно заурчал в груди. Игра только началась.

Глава 5

Нюта

Я стояла за старыми сараями, пытаюсь выровнять дыхание. В груди kloкотало что-то среднее между запоздалым испугом и глухой, злой обидой.

— Большой засранец, — пробормотала я, вытирая лицо тыльной стороной ладони, что бы никто не видел слезы. Что он себе возомнил? Что мир — это его личный кабинет, где он вправе раздавать приказы и назначать людей своим имуществом?

Я глубоко вдохнула, чувствуя запах навоза и прелой соломы. Господи, как же я мечтала сейчас оказаться в стойле, где все ясно: если животное голодно — его нужно накормить, если оно больно — помочь. Никаких игр, никакой двусмысленности, никакого абсурда.

Я развернулась и поплелась обратно к ферме. С каждым шагом пульс в висках замедлялся, но мысли продолжали крутиться вокруг одного и того же. Что значили его слова? В них не было иронии или насмешки. В них была ледяная, абсолютная уверенность. Это пугало до дрожи в коленях, но вместе с тем рождало внутри какое-то странное, колющее сопротивление. Я привыкла, что меня используют, привыкла быть удобной, но внутри сейчас что-то словно сломалось. Хватит.

Когда я вышла на открытое пространство фермерского двора, я почувствовала на себе десятки взглядов. Люди стояли кучками, лениво переговариваясь, но стоило мне показаться, как разговоры смолкли. На меня косились с подозрением, кто-то — с неприкрытым любопытством, а кто-то — с жалостью, будто я уже была приговорена.

— Нют, ну чего там? — окликнула меня тетя Валя. Её глаза прищурились, пытаюсь высмотреть на моем лице следы допроса или чего похуже. — Он тебя не обидел? Не орал?

Я молча покачала головой, не останавливаясь. Мне не хотелось ничего обсуждать. Не хотелось быть предметом их деревенских сплетен, которыми они будут смаковать каждый вечер у телевизора. Их взгляды, колючие и назойливые, впивались в спину, словно иглы. Я чувствовала себя так, будто на мне теперь висело невидимое клеймо. Этот мужчина — этот Родион — одним своим появлением и своим приказом выставил меня на всеобщее обозрение.

Я зашла в коровник, и меня тут же окутало привычное тепло. Животные заворочались, послышалось тихое мычание. Я взяла вилы, чувствуя, как привычная тяжесть дерева успокаивает.

— Ну чего вы, чего, — тихо прошептала я, подходя к дальнему стойлу.

Я старалась сосредоточиться на работе. «Я просто Нюта. Я просто работница. Он уедет, и всё вернется на свои места», — уговаривала я себя, перекидывая солому. Но пальцы на левой руке — там, где он держал меня за запястье минуту назад — продолжали жечь, как будто я получила серьезный ожог.

Я работала, стараясь не думать о том, что он сейчас делает. Может, он уже уехал? Может, этот фарс с принадлежностью — просто способ сломить меня перед покупкой фермы? Но зачем? Почему я? Но внутри, там, где обычно жила только тишина, теперь поселилось беспокойство. Я чувствовала себя так, словно к моей одежде прицепился невидимый крючок, за который он мог дернуть в любой момент. И от этого осознания работать становилось с каждой минутой всё тяжелее.

Весь остаток дня прошел как в тумане. Я работала на автопилоте, механически чистила стойла, таскала воду и задавала корм, стараясь не попадаться никому на глаза. Но спрятаться не получалось. Стоило мне выйти из коровника, как тут же находились желающие узнать «правду».

— Нют, ну чего он хотел-то? — донимал меня дядя Коля, пытаюсь заглянуть мне в лицо. — Чего таскал тебя в кабинет? Сказал, когда ферму сносить будут?

— Да ничего он не сказал, — бросала я, не поднимая головы и пряча руки в карманы. — Посмотрел на меня и отпустил. Я сама не поняла, чего он меня дернул, даже не говорил ничего. Наверное, просто поиздеваться хотел.

Врать было неловко — щеки тут же вспыхнули, — но признаться в том, ЧТО именно он сказал, я не могла. Как произнести вслух, что какой-то чокнутый богач заявил, будто я принадлежу ему? Это звучало как бред сумасшедшего или начало какого-то дешевого фильма ужасов. От осознания того, что слова, произнесенные в том кабинете, не исчезли, а повисли в воздухе тяжелым грузом, ладони начинали нестерпимо потеть, а сердце сбивалось с ритма.

Я старалась не выдавать своего страха, но пальцы предательски дрожали, когда я пыталась удержать ручку лопаты. Деревенские шептались за спиной, их взгляды были то сочувствующими, то подозрительными, будто я в чем-то виновата. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

Хуже всего было то, что я чувствовала этот взгляд физически. Даже когда я была занята делом, когда копалась в навозе или носила тяжелые ведра, в затылке покалывало. Я оборачивалась и неизменно видела одно и то же: в отдалении, возле административного корпуса или у припаркованного внедорожника, стоял Родион.

Он не подходил. Он просто наблюдал.

Он стоял, скрестив руки на груди, высокий, неподвижный, как хищник, который уже наметил жертву и не видит смысла торопиться. Его фигура выделялась среди деревенской серости, как черное пятно на чистом листе. Каждый раз, заметив его, я замирала. У меня перехватывало дыхание, и я чувствовала себя кроликом под прицелом удава.

Глава 6

Нюта

Ночь тянулась бесконечно. Я ворочалась с боку на бок, пытаюсь отогнать от себя образ его лица и те невозможные слова, которые он бросил мне в кабинете. В комнате было душно, постельное белье казалось колючим, а тишина давила на уши сильнее, чем любой шум. В конце концов, я не выдержала, встала и, накинув старую шаль на плечи, вышла на крыльцо.

Ночной воздух ударил в лицо прохладой, принося с собой запахи влажной травы и спящей земли. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь, которая никак не проходила с самого утра. Здесь, под бездонным, усыпанным звездами небом, все казалось менее реальным, почти сказочным.

Тишину разорвал звук. Сначала я подумала, что это где-то в соседнем дворе завyla собака — протяжно, надрывно, с каким-то странным переливом. Но через секунду вой повторился, став глубже, мощнее и опаснее. Это не было собачьим скулежом. Это был звук дикого зверя. Волк. Близко.

Холодный пот мгновенно выступил на спине. В наших краях волки иногда забредали к деревне, но обычно держались подальше от жилья. Я попятилась, едва не запутавшись в собственной шали, и поспешно юркнула в дом. Дверь захлопнулась с глухим стуком, я тут же задвинула щеколду.

Прижавшись щекой к прохладному стеклу окна, я вглядывалась в чернильную тьму двора. Сердце колотилось в ребра так, будто хотело пробить грудную клетку. Сначала — ничего. Только тени от кустов сирени, походившие на костлявые пальцы.

А потом я их увидела.

В паре десятков метров от дома, у соседнего участка, в абсолютной темноте вспыхнули два огонька. Они были неестественно яркими, желто-красными, как две тлеющие в ночи сигареты, зависшие на уровне человеческого роста. Зверь не рычал, не двигался — он просто смотрел прямо на мое окно.

Я затаила дыхание, боясь даже вздохнуть. Глаза смотрели на меня с такой осознанной, почти пугающей сосредоточенностью, что у меня пересохло в горле. В этом взгляде не было животной дикости — в нем была холодная, расчетливая сила.

Воспоминание накрыло меня с силой удара под дых. Четыре года. Четыре года назад лес, который я всю жизнь считала своим вторым домом, стал местом, где оборвалась моя жизнь. Я видела их тогда — обрывки одежды, кровавые следы на траве, пустые глаза отца и матери. И я знала, кто это сделал. Волки.

С того дня само слово хищник вызывало у меня приступ рвоты и неконтролируемой дрожи. Теперь, глядя на эти два светящихся в ночи огонька, я чувствовала, как пол уходит из-под ног. Паника, липкая и холодная, заполнила всё внутри. Это не просто зверь. Смерть пришла ко мне сама, прямо к порогу моего дома. Она хочет забрать меня так же, как забрала моих родителей.

Я вцепилась в подоконник, буквально впиваясь ногтями в дерево. Мое дыхание стало рваным, со свистом вырываясь из груди. В глазах начало темнеть. «Бежать, надо бежать», — кричал разум, но ноги были как налитые свинцом. Эти желто-красные глаза не мигали. Они не были похожи на светлячков или отблеск луны. В них читалась такая холодная, жуткая разумность, которой не должно быть у обычного дикого зверя.

Глаза чуть сместились влево, будто существо оценивало расстояние до моей двери. Я зажала рот ладонью, чтобы не закричать. В голове метались обрывки мыслей: «Откуда он здесь? Почему он смотрит на меня именно так?».

Мое сознание подбросило безумную параллель: этот взгляд, этот странный прищур... он был пугающе похож на взгляд Родиона. То же самое ожидание, то же самое ощущение, что ты — добыча, которая уже находится в ловушке.

— Уходи, — прошептала я, надеясь, что мой голос хоть немного звучит уверенно, хотя на самом деле это был едва слышный всхлип. — Пожалуйста... уходи.

Фигура во дворе пошевелилась. Я видела лишь темный, мощный силуэт, который казался неестественно крупным для обычного волка. Зверь сделал короткий шаг в сторону дома, и лунный свет на секунду упал на его шерсть. А затем снова завыл. Этот вой — низкий, роко-чущий, вибрирующий в самой груди — был не просто призывом стаи. Он звучал как хозяин, который пришел проверить свои владения.

Я соскользнула на пол, прижав колени к груди. Я не могла больше смотреть. Я закрыла лицо руками, пытаясь отгородиться от этого гипнотического взгляда, от этого ночного кошмара, который настигал меня спустя годы. Я знала, что как только солнце взойдет, я увижу следы. И я молилась — не Богу, нет, я молилась самой тьме, чтобы утром, когда я открою дверь, я не обнаружила, что этот зверь все еще находится у дома, ожидая когда я выйду.

Я сидела в темноте, а за окном тишину разрывало тяжелое, ровное дыхание — или мне только казалось? — и мне казалось, что эта ночь для меня больше никогда не закончится.

До рассвета я просидела на полу у окна, сторбившись и обхватив себя руками. Сон так и не пришел — он обходил меня стороной, словно чуя тот ледяной страх, что поселился внутри. Я смотрела, как ночная мгла медленно редет, как тени в саду становятся короче, но глаза зверя не пропадали из памяти. Они жгли меня изнутри, напоминая о том, как хрупок мой маленький, выстроенный по кирпичику мирок.

В двадцать лет моя жизнь была не столько жизнью, сколько выживанием. С тех памятных событий, когда лес забрал у меня самое дорогое, я привыкла полагаться только на себя. Бабушка... она была лишь строчкой в документах, формальностью, которая позволила мне не оказаться в казенных стенах приюта. Мы не были близки — она жила на другом конце деревни, иногда присылала какие-то копейки или что-то из еды на праздники, но большего участия не принимала. А я и не просила.

После того как я бросила школу, получив из жалости учителей свой аттестат, ферма стала моим всем. Я привыкла к тяжести ведер, к боли в спине, к запахам, которые въедались в кожу навсегда. Копейки, которые выдавали с задержками, улетали в два счета: на дрова, на электричество, на самую простую еду. Огород был моим единственным спасением. В августе и сентябре я проводила там все вечера, крутя банки с соленьями, чтобы зимой не голодать.

Я оглядела свою комнату — старую, с облупившейся краской на окнах и выпцветшими обоями. Это было все, что у меня осталось. Уехать? Я много раз мечтала об этом, до слез, до удушья, закрываясь в подушку по ночам. Но чтобы уехать, нужны деньги, уверенность, какой-то план. А у меня была только бесконечная усталость и привычка быть невидимой.

Мой дом стоял на самом краю деревни, ближе всего к лесу, и теперь это осознание давило на психику сильнее, чем прежде.

Когда небо начало окрашиваться в бледный, холодный розовый цвет, я наконец поднялась с пола. Ноги затекли, тело было словно разбито. Я подошла к зеркалу и устало выдохнула: на меня смотрела бледная, испуганная девушка с впалыми щеками и глазами, в которых застыл немой вопрос. В двадцать лет я выглядела на все тридцать, измотанная трудом и вечным дефицитом сна.

Я умылась ледяной водой из колонки, стараясь отбросить мысли о волке. «Это был просто зверь. С голодухи пришел, может, бежал откуда-то», — твердила я себе, хотя сердце отказывалось верить в эту логику.

Я натянула свою рабочую одежду, проверила щеколду и вышла во двор. В воздухе пахло росой. Я прошла по тропинке, огибая дом, и замерла. В высокой, примятой траве прямо у окна,

где я сидела всю ночь, отчетливо виднелись следы. Огромные, тяжелые, явно не собачьи. И они не уходили в лес. Они вели прочь от моего дома, в сторону администрации фермы, туда, где вчера парковалась черная машина Родиона.

Глава 7

Нюта

Когда я вышла на улицу, солнце уже окрасило горизонт в нежно-розовый цвет. Холодная утренняя свежесть немного отрезвила, вытесняя ночной ужас. «Надо работать», — твердила я себе, подхватывая ведра с крыльца. Ферма не терпит промедления, коровы не будут ждать, пока я приду в себя после бессонной ночи.

Я только успела выйти за калитку, как услышала быстрые шаги за спиной. Кто-то подхватил меня под руку, и я вздрогнула от неожиданности.

— Нютка, привет! Чего такая сонная? Опять всю ночь банки крутила? — звонкий голос Светки сразу заполнил утреннюю тишину.

Я слабо улыбнулась. Светка была моей одноклассницей, и мы всегда ладили, хотя близкими подругами я бы нас не назвала. Она была полной моёй противоположностью: яркая, открытая, с вечно сияющими глазами. Глядя на неё, я каждый раз испытывала странное, щемлящее чувство, похожее на глухую тоску. Я не злилась на неё, нет, но мне было больно видеть, как легко складывается её жизнь. У неё были родители, которые гордились каждым её успехом, уютные вечера в кругу семьи и, что самое главное, — перспективы.

— Да нет, не спалось просто, — ответила я, стараясь не отнимать руку. Мне было приятно это простое, человеческое тепло, которого в моей жизни было катастрофически мало.

— Ну, скоро выпишься, когда сезон закончится! — Светка сияла. — Месяц остался, и я в город! Представляешь? Учёба, общежитие, новая жизнь! А пока — подработаю тут немного, надо же хоть какие-то деньги на шмотки собрать, а то в деревне совсем скучно стало.

Она без умолку болтала о будущем, о том, какие платья она себе купит, как будет гулять по городским паркам. Каждое её слово больно отдавалось внутри. У неё был шанс на побег, билет в другую жизнь, о которой я смела только мечтать в своих самых тайных снах. У меня не было такой удачи: ни поддержки, ни денег, ни хоть малейшей надежды на то, что за забором этой деревни меня кто-то ждет. Моим «городом» была только очередная конюшня, а моим «будущим» — ещё один огород, засаженный картошкой.

Мы шли по пыльной дороге к ферме, и Светка, сама того не ведая, лишь сильнее подчеркивала пропасть между нами.

— Слушай, а ты не думала куда-нибудь податься? — вдруг спросила она, заглядывая мне в лицо. — Слышала, этот богач ферму выкупить хочет? Может, дадут хорошие компенсации, и ты сможешь уехать?

Я лишь горько усмехнулась, стараясь увести тему в сторону.

— Не дождемся мы никаких компенсаций, Свет. Да и куда мне ехать? Кто меня где ждет?

Светка похлопала меня по плечу, видимо, решив, что я просто прибедняюсь. Она искренне верила, что мир открыт для всех, кто достаточно сильно хочет, и мне было жаль разрушать её иллюзии своей реальностью. Мы подошли к воротам фермы, где уже начинал собираться народ. Впереди, у самого входа в административный корпус, я увидела знакомый черный силуэт — Родион. Он стоял к нам спиной, разговаривая с председателем, и даже на расстоянии от него исходила та самая давящая, тяжелая энергия, которая вчера заставила меня дрожать.

Я непроизвольно замедлила шаг, чувствуя, как внутри снова разгорается тот самый холодный страх. Светка, ничего не заметив, потянула меня вперёд, прямо навстречу мужчине, который решил, что я теперь — его собственность.

Мы почти поравнялись с административным корпусом, когда Родион, словно почувствовав моё приближение, резко обернулся. Его глаза, холодные и цепкие, сразу нашли меня в

толпе. Он даже не договорил с председателем. Отрывисто кивнув тому, он направился прямо к нам.

Моё сердце рухнуло куда-то в желудок. Светка, заметив его, на секунду замолчала, её глаза расширились от любопытства.

— Нют, это что, тот самый? Я пропустила собрание, но родители рассказывали... — восторженно зашептала она, но я не успела ответить.

Родион оказался рядом в два счета. Он не удостоил Светку даже взглядом, а его рука властно легла мне на плечо, заставляя вздрогнуть.

— Пошли со мной, — отчеканил он, игнорируя всё вокруг. — Мы уезжаем.

— Пустите! — я попыталась вывернуться, но его хватка была непреклонной. — У меня смена! Животные не кормлены, у меня куча дел... Вы не имеете права меня похищать!

— У нас есть дела поважнее, чем твои коровы, — отрезал он.

Он почти волоком потащил меня к машине. Я упиралась ногами, пытаюсь зацепиться за пыль, за воздух, за что угодно, но он был слишком силен. Люди вокруг замерли, наблюдая за этой сценой с жутким безразличием — никто не рискнул вмешаться в дела хозяина жизни.

Я обернулась на Светку, ища хоть какой-то поддержки в её глазах. Но та лишь одарила меня странной, ехидной улыбкой. Она стояла, скрестив руки на груди, и с каким-то болезненным удовольствием наблюдала за моей беспомощностью, даже приподняв руку в прощальном жесте. Она не собиралась помогать, ей было явно интересно, чем закончится этот аттракцион.

Родион распахнул дверцу своего внедорожника и буквально втиснул меня на кожаное сиденье. Прежде чем я успела выскочить, он сам пристегнул меня ремнем, и щелчок замка прозвучал в моих ушах как приговор.

Затем он с захлопнул дверь, оставив меня в тишине салона, пропахшего дорогим табаком и его парфюмом. Я была настолько ошеломлена, настолько раздавлена этой наглостью, что даже не попыталась дернуться, когда он обходил машину. Через секунду водительская дверь открылась, и он сел за руль.

Машина бесшумно взревела, срываясь с места и поднимая облако дорожной пыли. Я сидела, вцепившись пальцами в край сиденья, и смотрела, как ферма, мой единственный мир, отдаляется, превращаясь в маленькую точку. Внутри была пустота. Я была настолько напугана и растеряна, что не могла даже кричать. Я просто ждала, когда этот безумный сон наконец закончится, хотя где-то в глубине души понимала: настоящий кошмар только начинается.

Мы неслись по шоссе, и придорожные столбы сливались в сплошную серую полосу. Мои руки, спрятанные в складках штанов, превратились в одну сплошную боль: я так сильно впи- валась ногтями в ладони, что чувствовала, как на коже проступают капли крови. Я тряслась, не в силах даже повернуть голову, чтобы посмотреть на него. В салоне стояла такая тишина, что я слышала собственное сбивчивое дыхание и то, как колотилось сердце.

Вдруг Родион резко дернул руль, и машина, издав визг покрышек, съехала на пыльную обочину. Заглушив мотор, он некоторое время сидел неподвижно, а потом медленно повернулся ко мне. Его взгляд упал на мои руки.

— Ты боишься, — произнес он, и в голосе, на удивление, не было привычной стали. — Кажется, я неправильно начал наше знакомство. Я исправлю это, как только мы доедем.

Он властно потянулся ко мне, перехватил мои окровавленные ладони и разжал кулаки. Я дернулась, но он держал крепко, рассматривая свежие полумесяцы от ногтей на моей коже.

— Я не обижу тебя, Нюта, — сказал он, глядя прямо в мои глаза своим тяжелым, пронзительным взглядом. — А ближе к вечеру я верну тебя домой в целости и сохранности. Обещаю.

— Зачем? — мой голос прозвучал едва слышным шепотом.

— Это я объясню, когда доедем, — отрезал он, отпуская мои руки.

— Мне нужно на работу, меня уволят, — выдавила я, чувствуя, как внутри закипает бессильная паника.

Родион ответил с пугающим спокойствием:

— Всех уволят, не переживай. Ферма закроется, как только будет убран весь урожай.

Меня обдало жаром. Всех уволят? Он говорит об этом так, будто речь идет о замене старой мебели, а не о судьбах десятков людей, не о наших полях пшеницы, подсолнухов, кукурузы! Это был огромный агрокомплекс, бывший колхоз, который кормил всю округу. Сердце сжалось от жалости к животным, к знакомым лицам, которые скоро останутся ни с чем.

Я зло, насколько хватило храбрости, посмотрела на него, но, наткнувшись на его взгляд, тут же фыркнула и демонстративно отвернулась к окну. Спорить с ним было страшно — я физически ощущала, как вокруг него вибрирует опасная, хищная энергия. Спрашивать о чем-либо дальше казалось самоубийством.

Он молча завел мотор и вдавил педаль газа. Мы снова устремились вперед, и с каждым километром я чувствовала, как мой привычный мир — с его коровниками, огородами и пусть тяжелой, но понятной жизнью — становится все дальше, недостижимее.

Глава 8

Нюта

Машина свернула с асфальта на узкую, заросшую колючим кустарником грунтовку. Мы ехали по ней добрых полчаса, петляя между старыми, низко склонившимися елями, пока лес внезапно не расступился.

Перед нами возник дом. Небольшой, одноэтажный, сложенный из темного, потемневшего от времени сруба. Он выглядел прочным, почти вросшим в землю, словно стоял здесь не один десяток лет. Никаких заборов, никаких калиток или хозяйственных построек. Дом стоял на границе — с одной стороны к самому крыльцу подступала густая, почти черная стена леса, с другой начиналось бескрайнее, заброшенное поле с высокой рыжей травой.

Это было странно. В такой глуши, вдали от любых деревень, дом выглядел как отшельничье пристанище. Никаких следов жизни, никакой цивилизации, только тишина, от которой закладывало уши.

Родион заглушил двигатель. Тишина, которая пришла на смену рокоту мотора, показалась мне еще более пугающей.

— Выходи, — скомандовал он.

Я медленно открыла дверь, выбираясь наружу. Ноги дрожали, а земля под ботинками казалась чужой. Я огляделась по сторонам, тоскливо ища глазами хоть какой-то путь к отступлению. Но вокруг была сплошная дичь. Только лес, который шумел своими верхушками на ветру, и поле, уходящее за горизонт.

— Где мы? — тихо спросила я, чувствуя, как внутри нарастает холод.

— Место, где никто не помешает, — ответил Родион. Он вышел из машины следом, потянувшись, словно хищник, разминающий мышцы после долгого пути. Он выглядел здесь так же неестественно, как и вчера в сельсовете, но в то же время — удивительно органично.

Он подошел ближе, и я невольно отступила к стене дома. Дерево было шершавым под моей ладонью, пахло смолой и чем-то старым, давно забытым. Родион остановился в паре шагов, его взгляд скользнул по лесной опушке, а затем снова вернулся ко мне.

— Почему именно здесь? — я решилась поднять на него глаза, сжимая в кулаки края куртки. — Что вам нужно от меня? Зачем было тащить меня в такую глушь?

Он усмехнулся — на этот раз в его улыбке не было той надменности, что пугала меня вчера. В ней читалось что-то более глубокое, почти расчетливое спокойствие, от которого меня прошиб пот.

— Ты увидишь, — сказал он, подходя чуть ближе. — Сегодня особенный день, Нюта. И я хочу, чтобы ты поняла одну вещь: сегодня я приехал не за твоей фермой. Ферма — это просто кусок земли, который я скоро превращу в пыль. Я приехал за тобой.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Я замерла, не в силах даже вдохнуть, глядя на него с отчаянием человека, который только что понял, что попал в капкан, расставленный очень давно. Где-то в глубине леса, совсем неподалеку, снова раздался волчий вой — долгий, тоскливый и одновременно властный, словно зверь приветствовал своего хозяина.

Родион вздрогнул. Его зрачки на секунду расширились, заняв почти всю радужку, а на лице на миг проступило выражение, которое нельзя было назвать человеческим. Он посмотрел в сторону леса и кивнул — не мне, а кому-то там, в чаще.

— Пора, — прошептал он, и в его голосе прозвучало нечто такое, что заставило меня вжаться в деревянную стену дома, молясь, чтобы она была достаточно толстой, чтобы защитить меня от того, что приближалось из леса.

Родион шагнул ко мне, но не для того, чтобы удержать, а скорее защитить. Его плечи начали расширяться с неестественным, сухим хрустом ломающихся и тут же срастающихся

костей. Пальцы свело судорогой, и из его груди вырвался звук, не имеющий ничего общего с человеческой речью — низкий, гортанный рык, от которого у меня внутри всё превратилось в лёд.

Из чащи леса, бесшумно ступая по жухлой траве, вышел зверь. Огромный, почти размером с пони, с густой, отливающей серебром шерстью и глазами цвета расплавленного янтаря. Волк. Мой личный ночной кошмар, воплотившийся наяву.

Воздух вокруг внезапно стал тяжелым, как кисель. Мои легкие сжались в крошечный комок, отказываясь принимать кислород. Не дыши. Только не дыши, иначе он услышит. Паническая атака накрыла меня, как ледяная волна, сметая остатки здравого смысла.

Сердце начало биться в горле, в висках, в кончиках пальцев — бешеный, рваный ритм. Мир вокруг поплыл, пошел красными пятнами. Каждый вдох давался с такой болью, будто мне в грудь забили железный клин. Я хватала ртом воздух, но он казался липким и отравленным. В ушах нарастал пронзительный, сводящий с ума звон.

Перед глазами замелькали картинки из прошлого: окровавленная одежда родителей, пустые глазницы, запах лесной прели и те же самые желтые глаза. Я видела их везде. Они множились, заполняя собой пространство.

Ноги превратились в вату. Я сползла по стене дома, чувствуя, как сдираю кожу на руках о грубое дерево. Мои пальцы, скрюченные в спазме, не слушались меня. Я не могла кричать — горло перехватило так, будто меня душили невидимые руки. Боль в груди стала острой, невыносимой, как при инфаркте. Я чувствовала, как кровь отливает от головы, а конечности начинают неметь, теряя чувствительность. Я умирала. Я знала точно: прямо сейчас, здесь, среди этой проклятой травы, я умру от одного лишь осознания того, что смерть пришла за мной в облике волка.

Слёзы хлынули из глаз, оставляя на лице горячие дорожки, но я этого почти не чувствовала. Моё сознание начало распадаться на куски.

Там, где секунду назад стоял Родион, в высокой траве поднялся — уже не человек — массивный, мощный черный зверь. Он не бросился на меня. Он рыкнул, но рык этот был странно приглушенным, защитным.

Второй волк подошел ближе. Я видела его оскал, видела клыки, от которых исходило влажное, хищническое тепло. Мой разум рухнул в черную бездну. Я забилась в конвульсиях, пытаюсь сжаться в максимально маленький комок, чтобы стать незаметной, чтобы стать ничем. Голова гудела, внутри всё горело от выброса адреналина.

Черный хищник издал тихий, требовательный рык в сторону серебристого, и тот попятился. А потом черный зверь развернулся ко мне. Его громада закрыла собой всё небо. Я чувствовала, как воздух перед ним колеблется от жара — жар, исходящий от его тела, был настолько сильным, что опалял моё лицо. Его тяжелая морда опустилась, коснулась моего плеча, и этот контакт стал последней искрой в моей угасающей системе. Я окончательно потеряла связь с миром, проваливаясь в черную, безмолвную пустоту, где, к счастью, не было места страху.

Ожидание смерти было хуже самой смерти. Я физически ощущала, как сердце сжимается в последний раз, как оно пропускает удары, заставляя меня балансировать на грани обморока. Тьма подступала к краям зрения, но я не могла закрыть глаза. Я смотрела прямо на черного зверя, чья массивная морда оказалась совсем рядом, в каких-то сантиметрах от моего лица.

Мое тело колотило мелкой, неконтролируемой дрожью. Зубы выбивали чечетку, а челюсть свело судорогой. Я была полностью парализована ужасом — даже пальцы не могли пошевелиться, чтобы оттолкнуть его.

Черный хищник издал звук, похожий на утробный, низкий стон, вибрирующий где-то глубоко в его грудной клетке. Поток горячего воздуха опалял мою щеку, смешиваясь с запахом

лесной хвои, сырой земли и... чем-то странно знакомым, резким и мускусным. Это не был запах дикого зверя. Это было что-то другое, пугающее своей неестественностью.

Он не кусал меня. Он просто прижался своей огромной, тяжелой головой к моему плечу, почти придавливая своим весом к стене дома. Я чувствовала, как под густой, жесткой шерстью ходит его могучая мускулатура. Каждое его движение, каждый вдох передавались мне с пугающей четкостью.

«Он сейчас разорвет меня», — билась единственная мысль в измученном сознании. Мое дыхание было судорожным, прерывистым, я хватала ртом воздух, чувствуя, как в горле першит от пыли и слёз. Я не могла дышать, сердце колотилось в ребра так сильно, что мне было больно. Это была пытка — осознавать свою беспомощность, находясь под дулом самой природы.

Я пыталась подавить рыдания, которые рвались наружу, боясь, что любой лишний звук спровоцирует его. Мой лоб был мокрым от холодного пота, волосы прилипли к вискам. Я видела в его глазах — теперь ярко-золотых, почти светящихся — отражение собственного искаженного страхом лица.

Черный зверь вдруг приподнял голову и коротко, отрывисто гавкнул в сторону серебристого волка, который все еще топтался на границе света и тени. Тот мгновенно подобрался, поджал хвост и растворился в лесной чаще, словно его и не было.

Меня оставили наедине с ним.

Черный хищник снова опустил взгляд на меня. В его янтарных глазах не было кровожадности — в них бурлила какая-то странная, концентрированная энергия, почти человеческий разум. Он медленно провел сухим, шершавым языком по моей щеке, стирая дорожку от слез. От этого прикосновения меня дернуло, но я по-прежнему не могла даже пошевелиться.

Это было издевательство. Это было унижение. Он знал, как сильно я боюсь, и он наслаждался моим ужасом, заставляя меня чувствовать свое превосходство каждой клеточкой. Мое горло горело, в груди жгло от нехватки кислорода, но я продолжала смотреть на него, запертая в собственном теле, словно в тюрьме.

Я не потеряла сознание, хотя это было бы милосердным выходом. Я осталась в реальности, вынужденная чувствовать каждое движение этого монстра, вынужденная признать свое абсолютное поражение.

Глава 9

Родион

Зверь внутри меня всё еще тяжело ворочался, требуя немедленной близости, но человеческий рассудок взял верх. В несколько прыжков я обогнул дом, скрываясь за углом. Процесс трансформации был мучительным — кости, мышцы, каждая клетка организма требовали немедленной обратной смены. Я не успел даже найти одежду, когда понял, что оставлять её одну в таком состоянии опасно.

Я подхватил Нюту на руки. Она была легкой, как испуганное перышко. Она дрожала так сильно, что её зубы выбивали мелкую дробь, а тело оставалось каменным от оцепенения. Я занес её в дом и усадил на диван. Она не сопротивлялась, лишь смотрела в одну точку немигающим взглядом.

Я дрожащими руками налил воды из графина и поднес ко рту. Она сделала несколько жадных глотков, даже не замечая, как капли стекают по подбородку на воротник её засаленной куртки.

И тут, в тишине комнаты, я поймал её взгляд.

Она смотрела на меня — и это был не только ужас. В её расширенных зрачках, кроме паники, промелькнуло что-то еще. Смущение. Я опустил глаза и с досадой осознал, что после трансформации я так и не успел накинуть на себя хоть что-то. Я стоял перед ней совершенно беззащитный в своей наготе, лишь подчеркивающей недавнюю дикую трансформацию. Нюта судорожно отвела взгляд в сторону, её лицо — прежде бледное как полотно — вспыхнуло ярким, почти болезненным румянцем, который резко контрастировал с её отстраненным состоянием.

Смущение. Боже, она смущалась. Она еще не отошла от шока, вид хищника всё еще стоял у неё перед глазами, но вид голого мужчины, вторгшегося в её личное пространство, пробудил в ней женскую реакцию, совершенно немыслимую в такой ситуации.

— Черт, — выругался я сквозь зубы, чувствуя раздражение на самого себя.

Я резко развернулся и поспешил к шкафу в глубине спальни, чтобы поскорее натянуть первые попавшиеся брюки. Я не уходил далеко. Я остался стоять за дверным проемом, приглядывая за ней одним глазом. Нюта сидела на диване, судорожно сжимая в руках край своей куртки, пытаясь спрятаться от самой себя.

Мой зверь внутри довольно ухмыльнулся: эта странная смесь ужаса и девичьего стыда была первым признаком того, что её психика начала цепляться за привычную реальность. Она больше не была парализована чистым кошмаром. Она снова чувствовала себя женщиной в присутствии мужчины.

Я натянул джинсы, чувствуя, как ткань неприятно трется о все еще горевшую кожу, и накинул на плечи первую попавшуюся рубашку, даже не пытаясь застегнуть пуговицы. За дверным проемом я остановился, опираясь плечом о косяк. Мое дыхание все еще было тяжелым, сбитым, но я уже не был тем диким зверем, что только что загонял её в угол.

Нюта все так же сидела на краю дивана, вцепившись пальцами в подол своей куртки. Она старательно смотрела в пол, но её пульс, который я слышал, даже находясь на расстоянии, постепенно начал выравниваться. Ей нужно было время, чтобы переварить случившееся, чтобы осознать, что я — это я, а не тот лесной монстр, который стоял перед ней минуту назад.

— Я не причиню тебе вреда, Нюта, — мой голос прозвучал ниже и глуше, чем обычно, с хрипотцой, которая осталась после рыка.

Она едва заметно вздрогнула, услышав меня, но не обернулась. Её плечи были напряжены. Я понимал: сейчас любое мое резкое движение вернет её обратно в состояние паники.

Поэтому я не стал подходить ближе. Я просто стоял там, в полумраке, наблюдая, как она пытается справиться с тем хаосом, который я устроил в её душе.

— Вода на столе рядом, — добавил я уже мягче. — Попей ещё, если хочешь. Я буду здесь, рядом. Никуда не уйду.

Мой внутренний зверь, который до этого метался в клетке, постепенно успокаивался, уступая место холодному рассудку. Она здесь. Она в безопасности, если это слово вообще применимо ко мне. Теперь оставалось самое сложное — заставить её перестать видеть во мне врага. Я начал осознавать, сколько еще работы мне предстоит, чтобы стереть из её памяти этот ужас и заменить его чем-то другим. Но глядя на её тонкий, дрожащий силуэт в полумраке комнаты, я знал только одно: я никуда её не отпущу. Больше никогда.

Я сел в кресло напротив, чувствуя, как стены дома давят на нас обоих. Нюта сидела, вжавшись в уголок дивана, её плечи дрожали.

— Успокойся, Аня. Давай поговорим. Здесь тебя никто не обидит. Ни я, ни звери, — мой голос звучал непривычно мягко.

Она подняла на меня глаза, в которых застыл немой вопрос.

— Что ты такое? — спросила она, и в голосе слышалась лишь безнадежность.

— Оборотень.

Она нервно усмехнулась, почти истерично.

— Оборотней не существует. Это сказки.

— Тогда объясни, что ты видела только что?

Она замолчала, судорожно сжимая край куртки.

— Галлюцинации... и голого мужика, — тихо добавила она, вдруг залившись краской до самых корней волос.

Я не смог сдержать кривой усмешки.

— Ты выглядела так, будто до нашей встречи никогда в жизни не видела голого мужчину, — заметил я, специально переводя тему в более приземленное русло, чтобы сбить этот липкий, парализующий страх.

Она вспыхнула еще сильнее, отвернулась к стене и попыталась максимально спрятаться в складках своей старой куртки. Я с долей удивления наблюдал за этой реакцией.

— Seriously, что ли? — спросил я уже более серьезно, не в силах скрыть поражение в голосе. — У тебя правда не было мужчины?

Она окончательно сжалась в комочек, всем своим видом показывая, что хочет исчезнуть. Её смущение было таким искренним и глубоким, что оно на секунду вытеснило даже наш безумный контекст.

— Ладно, — выдохнул я, подавляя желание рассмеяться. — Это не важно. Раз уж мы здесь, нам нужно обсудить, как жить дальше.

— Просто верните меня в деревню, — она всё еще не смотрела на меня, голос её был едва слышен.

— Так не получится, Аня.

— Вы же обещали вернуть меня в целостности и сохранности! — она вскинула голову, в глазах блеснули слезы.

— Вернуть — верну. Но это не значит, что я о тебе забуду и оставлю в покое. Ты моя пара, Аня. Ты будешь моей, хочешь ты того или нет.

— Нет, — всхлипнула она, вжимаясь в подушки дивана.

— Ладно, — я поднял руки, словно показывая, что не угрожаю. — Давай зайдем с другой стороны. Я тебе представился, теперь твоя очередь.

Она помолчала, собираясь с силами.

— Аня. Но все зовут меня Нютой.

— Хорошо, Аня. Сколько тебе лет? Мне, если интересно, двадцать восемь.

— Двадцать один будет через три месяца.

Я кивнул, отмечая про себя, что она еще совсем ребенок, и внешне и по характеру, вынужденный жить взрослую, тяжелую жизнь.

— Хорошо. Я хочу познакомиться с твоими родителями.

В эту секунду я увидел, как она осунулась. В её глазах отразилась такая пустота, что у меня внутри все похолодело.

— Что с ними? У вас плохие отношения? — спросил я, уже догадываясь об ответе.

Она тяжело вздохнула, глядя куда-то сквозь меня.

— Они умерли.

— Как? — вопрос вырвался сам собой.

— Волки загрызли, — тихо, почти безжизненно произнесла она.

В комнате стало невыносимо тихо. Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри меня начинает закипать темная, холодная ярость — не на неё, а на мир, который так с ней обошелся.

— Поэтому ты словила паническую атаку? — спросил я, уже зная ответ.

Нюта медленно, почти незаметно кивнула. Это признание объясняло всё: её ужас, её нежелание видеть в звере что-то иное, кроме угрозы. Я чувствовал, как грандиозна задача, которую я сам на себя взвалил. И я понимал: если я хочу её, то придется быть не просто Альфой, а спасением от того самого кошмара, который разрушил её жизнь.

— Давай еще раз попробуем. Я оборотень. Ты — моя пара, мы будем вместе, и тебе придется это принять.

Она подняла на меня затравленный взгляд, кусая губы до крови.

— Если это правда... то почему я? — прошептала она, и в её голосе сквозила такая глубокая неуверенность, что мне стало тошно от самого себя.

— Хороший вопрос, но ответов у меня нет, Аня, — я сделал шаг к ней, стараясь не выглядеть угрожающе. — Я просто почувствовал этот запах, и в одно мгновение весь мой мир встал на свои места. От нас это не зависит. Это закон природы, который сильнее нас обоих.

— Но я не хочу, — упрямо повторила она, хотя дрожь в её голосе выдавала истинное состояние.

— А чего ты хочешь? — я перешел в наступление, зная, что это единственный способ разрушить её защитный кокон. — Жить одна в разваливающемся доме, без надежды на будущее? Работать на ферме, которую скоро разнесут до основания, и остаться без средств к существованию? Это твоя мечта? Ты этого хочешь для себя?

Нюта вздрогнула, будто я хлестнул её по лицу. Мои слова попали точно в цель — в самый центр её безысходности. Она зажмурилась, и по её щекам наконец побежали слезы. Я понял, что перегнул палку: она и так была на грани срыва, а я давил на неё, как стальной пресс.

— Хорошо, — я резко выдохнул, заставляя себя отступить на шаг. — Я не буду на тебя давить. Прости. Сейчас твоя жизнь — это постоянный страх, и я не хочу, чтобы ты видела во мне его источник.

Я сел в кресло, стараясь выглядеть как можно спокойнее.

— Мы познакомимся поближе. Ты увидишь, что я не тот монстр, которым тебя пугают сказки или твои детские кошмары. Я хочу, чтобы ты поняла: я здесь не для того, чтобы забирать твою волю. Я здесь, чтобы помочь тебе выбраться из этой дыры.

Я замолчал, давая ей время осознать сказанное. В комнате снова повисла тишина, но теперь она была другой — уже не такой звенящей. Аня понемногу переставала трястись, её дыхание выравнивалось. Она осторожно открыла глаза и посмотрела на меня — уже без того дикого ужаса, скорее с каким-то осторожным, болезненным любопытством.

— Почему вы просто не отпустите меня? — спросила она совсем тихо.

— Потому что я не могу, — честно ответил я, глядя ей прямо в глаза. — Зверь внутри меня не отпустит свою пару. И я тоже. Но давай попробуем действовать медленно. Сегодня ты просто будешь в безопасности. Это всё, что требуется от тебя прямо сейчас.

— Я просто хочу домой, — прошептала Нюта, глядя в окно. В этом коротком признании было столько тоски по её серой, но понятной жизни, что мне стало почти физически больно.

— Дай мне свой номер, — сказал я, прежде чем осознал, что у неё вообще вряд ли есть средства связи.

Она опустила голову, спрятав лицо за волосами, и проговорила едва слышно:

— У меня нет телефона.

Я нахмурился, не сразу поняв смысл её слов.

— Как это? Совсем?

— Разбился в прошлом году, — голос её дрожал от смущения, — а новый я так и не купила. Денег постоянно не хватает...

Я молча смотрел на неё, пытаюсь осознать масштаб её одиночества. До какой степени нужно быть оторванной от мира, чтобы даже не иметь возможности позвать на помощь?

— Тогда поехали в город, — решительно произнес я, поднимаясь с кресла.

Она резко вскинула голову, в глазах снова промелькнул испуг.

— Зачем?

— На шопинг. А еще я есть хочу, и уверен, что ты тоже. Если ты не готова рассматривать меня как мужчину, рассматривай это просто как билет в лучшую жизнь. Хотя бы на сегодня.

— Я не могу... — начала она, оглядывая свою рабочую одежду, испачканную землей.

Я прервал её на полуслове, безошибочно считав этот страх.

— Я не буду с тебя ничего требовать. Кроме твоего времени и разговоров. Ничего неприятного, ничего, чего ты не хочешь, я не допущу. Обещаю. А теперь — пошли.

Я протянул ей руку, раскрытую ладонью вверх. В этот момент я был абсолютно искренен. Впервые за долгое время я чувствовал, как ответственность за неё перевешивает инстинкт собственника.

Она долго смотрела на мою ладонь, словно на огонь, в который боится прыгнуть. В её глазах боролись остатки паники и какое-то робкое, почти детское любопытство к тому миру, который был для неё закрыт. Наконец, она медленно поднялась и, затаив дыхание, осторожно вложила свою тонкую, мозолистую ладонь в мою.

Её кожа была шершавой от тяжелой работы, но когда наши пальцы соприкоснулись, я почувствовал, как по всему телу прошел знакомый электрический разряд. Она вздрогнула, но руку не отдернула. Это была маленькая, крошечная победа.

— Пошли, — повторил я уже тише. — Город нас ждет. И телефон — самое первое, что мы тебе купим. Пора тебя возвращать в мир, Аня.

Глава 10

Нюта

Я шла за ним, стараясь не отставать, но внутри у меня всё сжималось от липкого, тягучего стыда. Мысль о том, что происходит в деревне, не давала мне покоя. Весь этот фарс у конторы, когда он буквально запихнул меня в машину на глазах у всех — это же видели десятки глаз. Тетя Валя, дядя Коля, Светка... Господи, Светка точно всё разболтала.

«Что они обо мне думают? — крутилось в голове. — Наверное, уже решили, что я... что я добровольно пошла к нему. Что я решила через него денег срубить или просто сбежала, как дура».

Этот страх был даже острее, чем страх перед самим Родионом. В деревне репутация — это всё, что у меня было. Пусть я была бедной, пусть меня жалели, но я была «своей». А теперь? Теперь я в глазах всей деревни — потаскуха, которая связалась с чужаком после того, как он объявил ферму под снос. От этой мысли щеки горели огнем. Мне было так неловко, что хотелось провалиться сквозь землю. Как я теперь вернусь? Как буду смотреть им в глаза, когда он привезет меня обратно? Они же будут шептаться за спиной, кидать косые взгляды, а может, и в лицо плюнут.

Я чувствовала себя маленькой, забитой собачонкой, которую подобрал на улице богач. Кто я теперь для них?

Я искоса посмотрела на Родиона. Он шел так, будто весь мир принадлежал ему, и ему было абсолютно плевать на мнение окружающих. А мне — нет. Мне было жизненно важно, чтобы обо мне не думали гадости. Но разве это имело значение, если я уже попала в этот капкан?

Я сжала его пальцы чуть крепче, чувствуя, как внутри нарастает паника. Если он привезет меня обратно вечером, деревня сожрет меня живьем. Они будут строить догадки, их фантазия превратит эту поездку в нечто грязное и постыдное.

«Я ведь просто Нюта», — твердила я себе, пытаюсь удержаться за этот привычный образ. Но, глядя на его уверенную спину, я понимала, что та Нюта, которая работала на ферме и ходила в старой куртке, осталась там, на обочине, вместе со своими страхами перед соседями. Теперь я была чем-то другим. Его парой? И этот статус пугал меня до дрожи, потому что в моей маленькой, ограниченной вселенной за такое клеймо карали жестче, чем за любое преступление. Я была в ужасе оттого, как быстро моя тихая, предсказуемая жизнь рассыпалась в прах, уступая место чему-то пугающе чуждому.

Я машинально перебирала ногами, следуя за ним к внедорожнику, и каждая секунда приближала меня к границе, за которой пути назад в мою привычную безопасную серость уже не будет. Деревенские сплетни, которые раньше казались мне чем-то скучным и неприятным, теперь представлялись настоящим судом, на который меня уже заочно осудили. Кто поверит, что я не хотела этого? Кто поверит, что я сама, дрожа, вложила свою руку в руку зверя?

— Ты чего притихла? — Родион остановился у двери машины и посмотрел на меня своим пронизательным, тяжелым взглядом, будто читал мои мысли как открытую книгу.

Я вздрогнула, пытаюсь натянуть на лицо подобие спокойствия, хотя внутри всё дрожало.

— Ничего, — тихо ответила я, пряча глаза. — Просто... в деревне все видели. Теперь они будут думать... бог знает что.

Он молчал несколько долгих секунд, а потом его губы тронула легкая, ироничная улыбка, но в глазах не было ни капли насмешки.

— Ты боишься их мнения, Аня? — он слегка наклонился, сокращая дистанцию. — Людей, которые годами наблюдали, как ты гнула спину за копейки, и ни разу не протянули

руку помощи, когда тебе было по-настоящему плохо? Тех, кто ждет любой возможности, чтобы перемыть тебе косточки, лишь бы не думать о собственной никчемности?

Я опустила голову еще ниже, чувствуя, как его слова бьют точно в цель. Он был прав, и от этого осознания стало еще больнее.

— Пусть думают, — отрезал он, открывая передо мной дверь машины. — Дай им повод для разговоров. Через пару недель они будут не сплетничать, а бояться посмотреть в твою сторону. А теперь садись. Мы теряем время, а я, как уже говорил, жутко голоден.

Я осторожно опустилась на кожаное сиденье, чувствуя себя совсем нелепо в этом роскошном салоне. Он захлопнул дверь, и я осталась одна в тишине, наблюдая, как он обходит машину. Моё сердце колотилось, но уже не только от страха перед ним, но и от странного, почти пьянящего осознания: больше мне не нужно было быть «удобной Ньютой». Этот человек — монстр, зверь, похититель — был единственным, кто сейчас видел во мне не просто работницу, а кого-то, за кого он готов сойтись в битве с целым обществом. И этот факт, при всей его чудовищности, впервые в жизни давал мне право... не бояться их.

— Есть что-то, что бы ты хотела поесть? — спросил он, выруливая на трассу.

Я просто покачала головой. Сказать «пиццу» или «мясо» казалось невысказанным — голос попросту застрял бы в горле. Я снова посмотрела на свои руки, на засаленные рукава куртки, на грубые ботинки, покрытые слоем засохшей грязи и навоза. В салоне стоял тонкий, изысканный запах его парфюма — нечто горькое, древесное и дорогое. На контрасте с ним я чувствовала себя как оживший мусор. Разве может он, такой лощеный и сильный, ходить куда-то вот с такой, как я? Это было унижительно.

Он заметил мой взгляд. Его лицо на миг стало задумчивым, он достал телефон и набрал номер, приказав мне нервничать и жестом показав, что все будет хорошо.

— Привет, Оль. Есть просьба. Нужно подобрать женскую одежду. Много, самой разной, простой, а не как ты любишь, — скомандовал он в трубку. — Да, случилось, я пару встретил.

Он отодвинул телефон от уха и поморщился, видимо, отвечая на целый шквал эмоций на том конце провода. Пока я пыталась осмыслить услышанное — «пару», «одежда» — он неожиданно навел на меня камеру. Клик. Вспышка телефона полоснула по глазам сильнее, чем утреннее солнце.

— Сейчас пришлю фото, не пугайся, просто привези как можно скорее, мы через час будем у меня, — закончил он и отключился.

Мне стало дурно. Фото? Он отправил мое фото? Я представила, как какая-то красивая, ухоженная женщина рассматривает на экране это пугало: нечесанные волосы, пятна на старой куртке, испуганные глаза. Я чувствовала себя так, будто меня выставили на всеобщее посмешище. Стыд обжег лицо, я втянула голову в плечи, мечтая стать невидимкой.

— Не переживай, Оля — моя подруга и помощница, она поможет во всем, — сказал он, заметив, как я сжалась в комок.

Я лишь молча кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Внутри все кипело от бессилия. Я не собиралась никуда ехать, не собиралась менять свою жизнь, а теперь... теперь я уже «пара», которую нужно «одеть». Я была в ужасе оттого, как легко он распоряжается моим временем, моим внешним видом и моим местом в этом мире. Но, честно говоря, больше всего меня пугало то, что где-то в глубине души, под толстым слоем унижения и страха, я с пугающей силой желала, чтобы эта Оля привезла что-то действительно красивое. Просто чтобы посмотреть на себя в зеркало и — хотя бы на секунду — перестать чувствовать себя тем самым мусором в дорогом автомобиле.

Город накрыл нас волной шума и движения, как только мы миновали стелу на въезде. После бесконечной тишины деревни и пустоты полей всё здесь казалось нереально ярким, праздничным и огромным.

Я не могла оторваться от окна. От моего дыхания запотело стекло, но мне было всё равно. Сердце колотилось в такт мелькающим огням витрин и бесконечному потоку машин. Это был не тот серый, полупустой райцентр, где я была восемь лет назад с отцом. Это был настоящий, дышащий огнями город. Огромные рекламные экраны на фасадах зданий, стеклянные высотки, в которых, как в гигантских зеркалах, отражалось закатное небо, широкие проспекты, по которым неслись автомобили, словно стремительные речные потоки.

— Боже мой... — выдохнула я, почти вжимаясь носом в стекло.

У меня кружилась голова. Сколько людей! Сотни, тысячи прохожих, каждый из которых куда-то спешил, смеялся, просто жил своей жизнью, не ведая о существовании фермы, навоза и моих ежедневных страхов. Внутри меня что-то проснулось — то, что я долгие годы пыталась затоптать в себе: простая, детская радость и жгучее любопытство. Я смотрела на высокие фонтаны, на группы подростков с яркими волосами, на то, как солнце плавно окрашивает город в неоновые цвета. Это было похоже на декорации к фильму, который я видела когда-то давно, в другой, счастливой жизни с родителями.

Я чувствовала себя маленькой песчинкой в этом вихре жизни, и, как ни странно, это ощущение не пугало, а дарило странное облегчение. В этом шуме, в этой толпе я вдруг почувствовала себя... собой. Не сиротой с фермы, не собственностью оборотня, а просто человеком в большом мире.

Я чувствовала на себе взгляд Родиона. Украдкой посмотрела на него и увидела, что он улыбается. Это была мягкая, почти отеческая улыбка, в которой не было ни капли той хищной властности, что проявлялась утром. Он наблюдал за моим восторгом, и мне показалось, что он видит всё — и мою забитость, и мою внезапную жажду этой красоты.

Меня накрыло волной счастья, такой непривычной и острой, что на глаза навернулись слезы. Я вцепилась пальцами в обивку двери, боясь, что если я моргну, этот город исчезнет, а я снова проснусь в своей темной комнате на краю леса.

— Тут так красиво, — прошептала я, не обращаясь ни к кому конкретно, просто констатируя чудо.

Впервые за эти тяжелые сутки я не думала о волках, о сносе фермы или о том, что обо мне скажут деревенские. Я просто смотрела на город, и мне казалось, что он обещает мне что-то новое. Что-то, чего я до сих пор боялась даже пожелать.

Мы остановились у высотного дома, который уходил вершиной прямо в облака. Фасад переливался стеклом и сталью, во дворе всё было идеально чисто, а по дорожкам прогуливались люди в такой одежде, какую в деревне видели только по телевизору.

Родион помог мне выйти, протянув руку. Я взглянула на свои пальцы — обкусанные, в вьёвшейся грязи, с короткими, неровными ногтями — и, вспыхнув от острого приступа стыда, спрятала их в рукава куртки. Я знала, как плохо я выгляжу. Я чувствовала себя грязным пятном на холсте этого безупречного мира.

— Не переживай, я не брезгливый, — он усмехнулся, и в его глазах блеснуло что-то понимающее. — Да и приведем тебя в порядок быстро.

Я шла за ним, стараясь ступать неслышно, хотя мои тяжелые ботинки казались мне невыносимо громкими на идеальном гранитном полу подъезда. Здесь пахло дорогим, прохладой и какими-то цветами. Я постоянно оглядывалась, ожидая, что кто-то сейчас выйдет, посмотрит на меня и закричит: «Тебе здесь не место!».

Лифт напугал меня своей тишиной и скоростью. Когда двери плавно разошлись на нужном этаже, я замерла, боясь сделать шаг. Его квартира была огромной, обставленной без выделяющегося богатства, никакой лепнины или золота, которые я видела по телевизору, но видно было, что вещи дорогие. Столько свободного места я видела только в журналах из сельской библиотеки. Огромные панорамные окна выходили на город, который сейчас сиял миллионами огней. Здесь всё было из стекла, мрамора и холодного металла.

Я зашла внутрь, и пространство будто начало давить на меня своей стерильностью. Куда бы я ни посмотрела, я видела несоответствие: мои грязные подошвы на светлом паркете, мой взлохмаченный вид на фоне строгих геометрических линий дизайна. Я казалась себе замарашкой из сказки, которая случайно попала в замок к принцу, только принцем здесь был хищник, а сказка отдавала чем-то тревожным.

Я остановилась посреди гостиной, не смея присесть на белоснежный диван. Мне хотелось съежиться, стать меньше, чтобы не так сильно портить этот безупречный интерьер своей изможденной фигурой.

— Тут так... светло, — прошептала я, чувствуя, как внутри нарастает паническое желание спрятаться в самый темный угол.

Я остро ощущала каждое пятнышко на своей одежде, каждый волосок, выбившийся из прически. Я была абсолютно, катастрофически не на своем месте. И мне было до боли обидно: неужели я всегда настолько жалко выгляжу, когда выхожу за пределы своего хлева? В этот момент я впервые по-настоящему осознала, насколько огромен мир, где живут нормальные люди, и как далеко я от них находилась.

Родион подошел чуть ближе, и я невольно сделала шаг назад, вжимаясь в спинку стула. Он выглядел смущенным, что было мне совсем не свойственно видеть в человеке, который еще час назад вел себя как хозяин мира.

— Нюта, — начал он, глядя куда-то в сторону, — я не хочу тебя обидеть. Поверь, это... просто гигиена. Тебе нужно в душ. Оля скоро принесет одежду, и вряд ли ты захочешь надевать чистое на... себя невытую.

Я опустила глаза, чувствуя, как лицо заливают жар. От осознания того, что чужой мужчина, пусть и пугающий, обсуждает со мной такие интимные вещи, мне хотелось провалиться сквозь пол. В моей жизни никто никогда не говорил со мной о чистоте, никто не заботился о том, удобно ли мне. Я всегда была чем-то вроде элемента декора фермы — невидимая, грязная, привычная. А тут...

— Да, хорошо, — выдавила я, боясь поднять взгляд.

Он откашлялся, явно понимая мое состояние, и добавил:

— Не переживай. Я не буду подглядывать. И приставать — тоже... Хотя и хочется.

Он провел меня в ванную, которая сияла так, что я боялась дышать, чтобы не оставить след на зеркале. Выдал стопку полотенец, шампуни в тяжелых флаконах, гель... Все это пахло чем-то неестественно роскошным. Каждая вещь здесь кричала о том, что я здесь лишняя. Чужой человек в чужом мире.

— Пользуйся всем и не стесняйся, — бросил он, уже отворачиваясь.

Я осталась одна, дрожащими пальцами касаясь дверной ручки. В этот момент раздался звонок в дверь.

— А вот и Оля, — послышался голос Родиона. Я испугалась, что сейчас войдет кто-то еще, что мне придется объясняться, почему я не моюсь, почему я такая несуразная.

В прихожей послышался женский смех и цокот каблуков. На пороге возникла женщина — стильная, яркая, пахнущая так, как пахнут только люди из рекламы. Она перевела взгляд на меня, и я, съежившись, попыталась прикрыть руками дыру на локте своей старой куртки.

— Ого, — протянула она, внимательно рассматривая меня. — Тут, конечно, много работы, но уже вижу, что она очаровашка.

Ее тон был покровительственным, и мне стало еще неудобнее. Я чувствовала себя лабораторной мышкой, которую обсуждают при мне.

— Хорошо, займись ей, — сказал Родион, глядя на меня с какой-то странной мягкостью, которая меня скорее пугала. — У вас час. Не переживай и не бойся её, она суетливая, но добрая.

Он улыбнулся — впервые я видела у него такую улыбку, почти человеческую, — и вышел. Щелчок входной двери прозвучал для меня как удар гонга. Я осталась наедине с чужой, красивой женщиной в стерильно-белой квартире, и мне было безумно страшно от того, что она будет со мной делать дальше.

Глава 11

Нюта

Дверь за Олей закрылась, и я осталась одна в этом кафельном королевстве. Тишина здесь была какой-то особенной, глубокой, прерываемой лишь далеким гулом города за окном.

Я подошла к ванне — огромной, белоснежной, похожей на фарфоровую чашу. В деревне мы мылись в бане: тазик, ковшик, скользкий пол и постоянная спешка. А тут... я осторожно открыла кран, и вода, прозрачная и горячая, с приятным журчанием наполняла ванну.

Я начала рассматривать флаконы, которые выставил для меня Родион. Их было так много! Я взяла один — с голубой жидкостью. Открутила крышку и осторожно потянула носом. О, господи! Это был запах морского бриза, так на нем было написано. Я зажмурилась. Он пах свежестью, такой чистой, какой в природе, кажется, не бывает вообще. Потом был гель с ароматом чего-то сладкого, похожего на ваниль и лесные ягоды. Я нюхала их, закрыв глаза, и чувствовала, как внутри расправляются какие-то зажатые узлы. Впервые в жизни мне не нужно было экономить. Я могла использовать всё, что захочу.

Когда я наконец забралась в воду, я не сразу решилась лечь. Я сидела, слушая, как горячая струя продолжает наполнять ванну, и вода касалась моих коленей — мягкая, шелковистая, совсем не жесткая, как у нас из колодца. Я погрузилась в неё полностью.

Это было похоже на волшебство. Каждая клеточка моего тела, привыкшая к холоду, сырости и тяжелой работе, начала оттаивать. Я закрыла ладонями лицо, ощущая, как горячая влага смывает с меня дорожную пыль и запах фермы. Я намылила кожу — пена росла, пышная, белая-белая, и она пахла так вкусно, что мне хотелось смеяться от счастья. Я терла себя мочалкой, которая была как мягкое облако, а не как обычный грубый веник или тряпка.

Я чувствовала себя маленькой королевой. От этой чистоты, от ароматов, от своего отражения в зеркале, на которое я теперь боялась смотреть, но знала, что там — я, только совсем другая. Я была так поглощена этим процессом, что забыла, кто ждет меня за дверью и где я нахожусь. Я просто наслаждалась тем, что вода была горячее, что её было сколько угодно, и что впервые за почти двадцать один год я чувствовала себя не рабочей единицей, а обычным человеком. Я зачерпнула рукой пену, наблюдая, как пузырьки переливаются в свете люстры, и тихо улыбнулась. Если это была часть лучшей жизни, то мне безумно, до слез, хотелось, чтобы этот час длился бесконечно.

Я окончательно потеряла счет времени, растворившись в этой блаженной истоме. Мысли о том, что я в чужой квартире и жду какого-то преображения, казались чем-то далеким и почти нереальным. Но тут тишину нарушил аккуратный, но настойчивый стук в дверь.

— Нюта, милая, как ты там? — голос Оли звучал мягко, но с легкой ноткой нетерпения. — У нас осталось всего лишь пятнадцать минут до прихода Роди, а я столько всего приготовила! Давай, выходи, будем превращать тебя из Золушки в принцессу.

Я вздрогнула, как будто меня застали за чем-то запретным. Вспомнив, где я нахожусь, я почувствовала укол неловкости.

— Да... сейчас! Извините, я сейчас! — мой голос прозвучал как-то слишком звонко в кафельной комнате.

Я поспешно вытерлась невероятно мягким и огромным полотенцем, укутавшись в него как в кокон. В зеркале я увидела себя — распаренную, с розовыми щеками, с волосами, которые раньше были как солома, а теперь стали мягкими и послушными после шампуня. Я впервые за долгое время не узнала саму себя, но на этот раз — в хорошем смысле.

Я приоткрыла дверь, чувствуя себя невероятно уязвимой. Оля стояла в коридоре, окруженная горой чехлов, пакетов и коробок. Увидев меня, она просияла.

— О, ну посмотри на тебя! Кожа просто светится, — она подмигнула мне и, не теряя времени, начала распаковывать вещи. — Так, забудь про ту старую лохмотья, что была на тебе. Родик просил что-то простое, но я взяла и кое-что для души. Давай, примеряй вот это первым.

Она протянула мне легкое платье из нежно-голубого трикотажа. Ткань казалась такой деликатной, что я боялась порвать её даже грубыми мозолями на пальцах.

— Но это... наверное, дорого? — прошептала я, опасливо оглядываясь.

— Ой, брось, — отмахнулась она, весело раскладывая на кровати стопки белья, джинсов и уютных свитеров. — Родиону это обошлось в сущие пустяки, зато ты будешь выглядеть как человек, а не как перепуганный зверек. Давай, не стесняйся, я же женщина, я тебя не съем. Примеряй, нужно понять, как сидит по фигуре.

Я робко взяла платье, чувствуя, как сердце снова начинает учащенно биться. Впереди меня ждал целый парад примерок, к которому я была абсолютно не готова, и эта уверенность Оли пугала меня почти так же сильно, как и сам Родион.

Я натянула платье, зажмурившись от страха, что оно окажется «не на меня» — слишком тесным, слишком коротким или просто нелепо подчеркивающим все мои недостатки. Но когда я открыла глаза и посмотрела в огромное зеркало в полный рост, у меня перехватило дыхание.

Платье мягко облегалось фигуру, скрывая угловатость, которую я в себе ненавидела. Светло-голубой цвет делал мои глаза ярче, а кожу — чище. Я неуверенно повертелась из стороны в сторону.

— Ну вот, видишь? — Оля довольно щелкнула пальцами, наблюдая за моим отражением. — Ты прячешься в своих мешковатых куртках, а у тебя, оказывается, отличная фигура. Давай, не стой, здесь еще джинсы, кардиганы... Мы сейчас переберем всё.

Она начала настоящую атаку стилем. Я и опомниться не успела, как меня облачили в джинсы, которые сели как вторая кожа, в мягкий кашемировый свитер, в котором не хотелось переставать дышать. Каждая вещь была приятной телу, не вызывала зуда, не давила — я чувствовала себя так, будто с меня сняли старую броню, в которой я жила годами.

— Господи, — прошептала я, трогая край свитера. — Это... это все мне?

— Конечно, тебе, — Оля уже рылась в косметичке, выуживая кисти и палетки. — Слушай, Нюта, не принимай всё близко к сердцу. Родион... он сложный, но если он решил сделать что-то хорошее, он горы свернет. Просто расслабься и получай удовольствие. Ты ведь никогда раньше не позволяла себе быть красивой, я права?

Я опустила глаза, чувствуя, как внутри ворочается что-то теплое и болезненное одновременно.

— В деревне... там не до этого было, — тихо ответила я.

— В деревне вообще мало до чего есть дело, кроме работы, — с легким вздохом отозвалась она. — Садись вот сюда, сейчас мы чуть подчеркнем твои глаза. Ты должна увидеть себя такой, какой тебя видит он.

Я послушно села на пуфик перед туалетным столиком. Оля действовала профессионально: ее кисти едва касались лица, прохладными мазками она убирала следы усталости и моих вечных недосыпов. Я смотрела в зеркало и видела, как преображаюсь. Это была все еще я — та же Нюта, с теми же чертами лица, — но какая-то умытая, живая, будто кто-то стер с меня многолетнюю серую пыль.

— Знаешь, — Оля вдруг посмотрела мне прямо в глаза через зеркало, её голос стал серьезнее, — ты не просто пару нашла. Ты нашла человека, который выведет тебя из клетки. Не бойся его. Бойся остаться там, где ты была до встречи с ним.

Эти слова ударили по мне сильнее, чем любое зеркальное отражение. Я посмотрела на свои руки, теперь чистые, с ухоженными ногтями, на свое отражение в модной одежде, и вдруг поняла: я больше не хочу возвращаться назад. Страх перед Родионом никуда не делся, но сейчас, в этой светлой комнате, он казался мне не палачом, а тем, кто захлопнул за моей спиной

дверь в мой старый, разрушенный мир. И это было пугающее, но странно манящее чувство свободы.

Время пролетело незаметно, словно в тумане. Оля закончила с волосами, уложив их мягкими волнами, и отошла в сторону, давая мне возможность увидеть результат. В зеркале отразилась девушка, которую я едва узнала: чистая, с легким блеском на губах и глазами, в которых стало меньше той постоянной тревоги.

— Ну вот, — Оля довольно кивнула. — Теперь ты выглядишь именно так, как и должна была выглядеть всегда.

В этот момент в прихожей щелкнул замок. Родион вернулся. Сердце тут же болезненно сжалось — я вдруг остро почувствовала, что этот новый вид делает меня еще более незащищенной перед ним.

Я робко поправила мягкий кашемировый свитер и приготовилась к критике. Родион вошел в комнату, стягивая куртку. Он остановился, заметив меня, и на несколько секунд в квартире стало совсем тихо. Его взгляд медленно прошелся по мне — от уложенных волос до светлых джинсов. В его янтарных глазах промелькнуло удивление, а потом в уголках губ появилась сдержанная, но очень отчетливая улыбка.

— Ну вот, — негромко произнес он, опуская руки в карманы. — Так гораздо лучше. Тебе идет.

В его голосе не было того напора, которого я опасалась. Скорее, прозвучало искреннее одобрение, от которого у меня внутри разлилось странное тепло. Он подошел чуть ближе, внимательно разглядывая детали, и я невольно затаила дыхание.

— Спасибо, Оль, — добавил он, не отводя от меня взгляда. — Отличная работа.

Оля, которая всё это время наблюдала за нами с легкой ироничной улыбкой, лишь потянулась за своей сумкой.

— Я знала, что ей подойдет этот цвет. Ладно, я пойду, дел еще полно. Будьте паиньками, — бросила она на прощание, весело подмигнув мне у самой двери.

Когда за ней закрылась дверь, мы остались одни. Родион прошел мимо меня к окну, но, поравнявшись, задержался на мгновение. Он не пытался меня коснуться, лишь на секунду остановился, изучая мою реакцию.

— Ты выглядишь спокойнее, — заметил он, глядя на город за стеклом. — Этот образ... он тебе подходит куда больше, чем та куртка.

Я лишь тихо кивнула, не зная, что ответить. Мне было странно, что он не стал говорить громких слов, не стал требовать признания — он просто принял это преобразование как должное. И эта его сдержанность странным образом успокоила мой страх, позволив мне наконец выдохнуть.

Глава 12

Родион

Я вошел в квартиру и сразу почувствовал, как изменился воздух. Он больше не был пропитан запахом старой пыли, сырости и страха, который шел от нее в лесу. Теперь здесь пахло чем-то свежим, чуть сладковатым — отголосками шампуня и того аромата, который выбрала Оля.

Когда я увидел Аню, я на секунду замер. Она стояла у зеркала, неловко теребя край свитера, и выглядела так, будто до сих пор не верила, что это она. Я ожидал увидеть что-то яркое, вызывающее, но Оля сработала тонко: простая одежда лишь подчеркнула то, что я видел с самой первой минуты — ее хрупкость, скрытую за годами тяжелой работы, и этот удивительный, почти болезненный свет в глазах, который теперь не был затуманен паникой.

— Ну вот, — сказал я, стараясь, чтобы голос не выдал, насколько сильно меня ударило увиденное. — Так гораздо лучше. Тебе идет.

Я видел, как она напряглась, ожидая подвоха или новой порции давления, но мне было достаточно просто видеть ее такой. В этот момент я впервые осознал, насколько сильно она была спрятана от самой себя. Я почувствовал странное удовлетворение: я смог сделать для нее что-то, что не вызывало боли.

Оля, как обычно, всё поняла без слов и быстро ретировалась. Когда дверь за ней закрылась, я прошел к окну, чувствуя, как внутри ворочается зверь. Он был доволен. Она была чистой, она была спокойной, и она была здесь, в моем доме.

Я остановился рядом, почти касаясь ее плечом. Я видел, как она дрожит, как ее пальцы судорожно сжимают ткань свитера. Она все еще боялась меня, но этот страх перестал быть парализующим.

— Ты выглядишь спокойнее, — заметил я, глядя на город, который отражался в стекле. — Этот образ... он тебе подходит куда больше, чем та куртка.

Я не стал давить. Сейчас было важно просто удержать это хрупкое равновесие. Я чувствовал, как сильно она боится, но в то же время — как сильно она нуждается в этой защите. Я был готов ждать. Пусть даже на это уйдут недели или месяцы. Главное, что теперь, когда она смотрела в зеркало, она видела кого-то, кто достоин большего, чем грязная ферма и вечная нужда. И я сделаю всё, чтобы этот взгляд закрепился в ее сознании навсегда.

Я отказался от идеи вести её в пафосный ресторан в центре. Там было бы слишком много света, слишком много чужих глаз и этой давящей, претенциозной атмосферы, которая заставила бы её снова превратиться в испуганного зверька. Вместо этого я выбрал уютное заведение на тихой улице — с мягким приглушенным освещением, деревянными столами и тихой музыкой.

Когда мы вошли, я придержал для неё дверь. Она шла впереди, и я невольно любовался тем, как по-другому она теперь держится. Она больше не пыталась спрятаться за собственными локтями. Конечно, она всё еще была напряжена, её движения были осторожными, почти воробьиными, но это уже было не то позорное бегство от самой себя.

Мы сели за столик в углу, скрытый от основного зала высокой спинкой диванчика. Она села, положив руки на колени, и начала внимательно рассматривать обстановку. В её взгляде, который раньше был прикован к полу, теперь читалось живое, почти детское любопытство.

— Нравится? — спросил я, когда официант принял заказ и отошел.

Она вздрогнула, будто её застали врасплох, и посмотрела на меня. В её глазах, обрамленных густыми ресницами, которые Оля так удачно подчеркнула, читалась смесь изумления и чего-то очень похожего на тихую радость.

— Здесь... очень красиво, — прошептала она, оглядывая мягкий свет ламп и цветы в вазах на соседних столах. — Я никогда не была в таких местах. В деревне только клуб, да и тот... ну, вы знаете.

— Забудь про клуб, — мягко сказал я, откидываясь на спинку дивана. — Теперь ты в другом месте.

Я наблюдал за ней. Она сидела, чуть подавшись вперед, и её пальцы нервно, но уже не так судорожно, крутили салфетку. Она явно чувствовала себя непривычно, но не униженно. То, что я не повел её в пафосный ресторан с белыми скатертями и кучей официантов, действовало безотказно — она расслабилась. Здесь было уютно, почти по-домашнему, и это позволило ей перестать рассматривать себя как чужеродный элемент.

Принесли наш заказ — горячие блюда, аромат которых мгновенно заполнил всё пространство вокруг. Я видел, как она на секунду замерла, вдыхая запах, и в её взгляде мелькнул настоящий голод. Она так долго жила впроголодь, питаясь чем придется, что сейчас, глядя на тарелку, едва сдерживалась, чтобы не накинуться на еду.

— Ешь, Ань, — сказал я, берясь за приборы. — Никто не будет смотреть на то, как ты ешь. В этом городе всем на всех плевать, это ты скоро поймешь. Так что будь собой.

Она робко взяла вилку. Первый кусочек она проглотила почти не жуя, а потом, спохватившись, опустила глаза, покраснев до корней волос.

— Вкусно? — не удержался я, чувствуя, как внутри всё теплеет от её простой, детской реакции.

— Очень, — ответила она, и в этот момент она подняла на меня глаза — ясные, чистые, без тени той паники, что была в лесу.

Она подняла на меня взгляд, и в нем уже не было того дикого страха, как в лесу. Она была просто девушкой, которая очень проголодалась и получила вкусную еду. Я смотрел на неё и думал, что этот обычный обед — самое важное, что произошло за весь день. Когда она, чуть осмелев, потянулась за следующим кусочком, я просто выдохнул. Я был доволен тем, что она больше не боится сидеть со мной рядом.

Когда мы вышли из кафе, вечерний город уже вовсю сиял огнями. Я предложил прогуляться до парка неподалеку, и хотя Нюта лишь молча пожала плечами, по тому, как у нее загорелись глаза при виде разноцветных гирлянд на аллее, я понял — она в полном восторге.

Мы шли не спеша. Она держалась чуть поодаль, стараясь не задевать меня плечом, но я видел, как она вертит головой по сторонам. Мы проходили мимо лотков с мороженым, мимо каруселей, которые кружились в вихре огней, и мимо людей, беззаботно смеявшихся в вечерней прохладе. Для неё это был другой мир, шумный, яркий и совершенно непонятный.

Она то и дело замирала, глядя на аттракционы, где визжали от радости дети, но тут же одергивала себя, опуская взгляд в асфальт. Она словно боялась проявить лишнюю эмоцию, боясь, что её примут за глупую деревенскую девчонку. Её плечи были напряжены, а губы плотно сжаты, но я видел, как она слатывает при виде сахарной ваты или ярких воздушных шаров.

— Хочешь что-нибудь? — спросил я, останавливаясь у одного из лотков.

Она испуганно посмотрела на меня, помотала головой и быстро отвела взгляд.

— Нет, что вы, мне ничего не нужно. Просто... здесь очень красиво, — тихо добавила она, и в её голосе всё же прорезалась нотка искреннего удивления.

Она продолжала рассматривать всё вокруг исподтишка, украдкой бросая взгляды на фонтан, переливающийся подсветкой, и на влюбленные пары на скамейках. Ей отчаянно хотелось подойти ближе, рассмотреть всё, может быть, даже улыбнуться, но страх показаться смешной или неправильной держал её в ежовых рукавицах. Я шел рядом, не торопя её, и просто наблюдал за тем, как медленно тает её привычная скованность. Пусть она пока боялась показывать

эмоции открыто, но я видел, как в её глазах, отражающих яркие огни парка, впервые за всё время поселилось что-то похожее на живое, неподдельное любопытство.

Мы вернулись в квартиру, когда город уже окончательно погрузился в ночь. После шума парка здесь было подозрительно тихо. Я налил нам обоим чаю и, наблюдая за тем, как Нюта нерешительно переминается с ноги на ногу, решил заговорить о том, что висело в воздухе весь вечер.

— Аня, завтра новый день, — я смотрел на нее, стараясь говорить мягко. — Ты хочешь вернуться в деревню? Или останешься здесь? Я могу обустроить тебе комнату, тебе не нужно возвращаться в тот дом, если ты этого не хочешь.

Она замерла, опустив взгляд в кружку. Помолчала, а потом тихо, почти извиняющимся тоном прошептала:

— Я хочу домой.

Она подняла на меня глаза, и в них была какая-то грустная решимость.

— Мне нужно переодеться. В свою старую одежду.

Я нахмурился, не понимая, к чему этот фарс, но она продолжила, и в её голосе сквозила горечь:

— Этот день был как сказка. Понимаете? А сказки всегда кончаются. Мне пора... пора превращаться обратно в тыкву. Я не могу носить это платье и свитер, когда я снова буду в своем хлеву. Это будет только напоминать мне о том, чего у меня никогда не будет.

Я хотел возразить, сказать, что теперь всё изменилось, что она может оставить себе всё, что ей нравится, но, взглянув на неё, прикусил язык. Для неё это не была просто смена гардероба. Это была её попытка защититься от разочарования, способ вернуться в привычную, хоть и тяжелую, реальность, где у неё нет надежд и иллюзий.

— Это не обязательно делать, Аня, — сказал я, сделав шаг к ней. — Ты можешь оставить всё это.

— Пожалуйста, — она посмотрела на меня с такой мольбой, что я понял: сейчас она боится не меня, а той боли, которую причинит ей реальность, если она не вернется в свой привычный кокон.

Я медленно кивнул.

— Хорошо. Как скажешь. Твои вещи в ванной.

Она коротко кивнула в ответ и ушла, а я остался стоять посреди гостиной, глядя на пустой город за окном. Через несколько минут она вернулась. В своей старой, пахнущей домом и пылью куртке, в грубых ботинках. Она снова выглядела как та самая Нюта, которую я нашел сегодня утром, но теперь, глядя на неё, я видел не просто серого зверька. Я видел девушку, которая только что прикоснулась к счастью и сознательно от него отказалась, чтобы не разбить сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.